

ЕВГЕНИЙ
РУДАШЕВСКИЙ

ЭРХЕГОРД

ЗАБЫТЫЕ
РУИНЫ

Эрхегорд

Евгений Рудашевский
Эрхегорд. Забытые руины

«РОСМЭН»

2019

УДК 2821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Рудашевский Е.

Эрхегорд. Забытые руины / Е. Рудашевский — «Росмэн»,
2019 — (Эрхегорд)

ISBN 978-5-353-09055-7

Третья, заключительная книга серии «Эрхегорд» Евгения Рудашевского – писателя, журналиста и путешественника, одного из победителей VII сезона конкурса «Новая детская книга». Авендилл. Покинутый город, в который легко прийти, но из которого почти невозможно выйти. Однако люди все равно сюда стремятся. Одни хотят разжиться чем-то – или кем-то – необычным и разбогатеть. У других же цель – разобраться, что здесь произошло, и закрыть таинственную дверь в неведомый мир, откуда в город проникла черная гибель. Но в любом случае выжить смогут далеко не все. Как не достаться городу-ловушке? Как ухватить удачу и не только разгадать тайну города-призрака, но и уйти из него невредимым?

УДК 2821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-09055-7

© Рудашевский Е., 2019

© Росмэн, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгений Рудашевский

Эрхегорд

Забытые руины

Роман

Глава 1

Горсинг

К великому сожалению, путевой архив достославных потомков Дюрка Вин-Гейля был окончательно утрачен после того, как семью вин-гейльцев, за несколько веков странствий превратившуюся в подлинное кочевое племя, рассеяли степные гулы Земель Нурволкина.

Сам Вин-Гейль в окружении ближайших друзей и родственников начал свое путешествие сорок три поколения назад. В поиске святых мест он объявил паломничество длиной в сто поколений, устремленное исключительно на запад, и завещал своим потомкам не останавливаться даже в безмятежных местах, соблазняющих к длительной стоянке, а то и к окончательному оседанию и процветанию.

И все сорок три поколения его дети шли к заходящему солнцу, отклоняясь лишь в приближении к неодолимым преградам, одной из которых стали горы Западного Вальнора. Пройдя сотни царств, земель, долин, княжеств и свободных городов, одолев пять морей, последним из которых стало Сенжок'ун-Дийское, вин-гейльцы щедро делились путевыми знаниями с каждым, кто к ним обращался, но трепетно берегли архив, в котором наиболее полно описывались их странствия, начавшиеся более тысячелетия назад в долине, названной Нубер, в окружении народа инг-дегтианцев («детей неба»). Истории, рассказанные о долине Нубер, для нас звучат диковинными легендами, и такой архив мог бы послужить ценнейшим источником новых знаний о народах, живущих за пределами Великого торгового Кольца.

«Поучение о разнообразии народов». Гаон Свент из Ликинора

Горсинг смотрел на то, как подрагивают его пальцы. В очередной раз изучал свою кисть, будто мог хоть отчасти понять, что с ним происходит. На сухой, побледневшей ладони теперь выделялись даже самые незначительные рубцы и мозоли. Горсинг знал, что будет дальше: дрожь поднимется к предплечью, затем к плечу, наконец, перекинется на грудь и медленно, вызывая рези в животе, опустится к ногам. Когда начнут непроизвольно сгибаться колени, управлять собственным телом станет трудно. Но Горсинг не думал доводить себя до крайности. Сейчас нельзя было рисковать. Беспорядочные движения пальцев – такие, будто он онемевшей рукой пытался играть на струнной тойбе, – вот и все, большего Горсинг себе не позволял.

– Когда-нибудь меня это подведет. – Заметив хмурый взгляд сидевшего поблизости Вельта, Горсинг сжал кулак. Дрожь мгновенно прекратилась.

Это началось дней десять назад. Поначалу, когда еще никто не понимал, что именно происходит, было страшно. Наемники боялись спать. Боялись просто лежать или сидеть. Стоило расслабиться, и тело начинало действовать само по себе. Подрагивающие пальцы не худшее из того, что могло случиться, хотя в первое время пугала даже такая мелочь. Хуже было обнару-

жить, что твоя рука, потеряв чувствительность, неестественно выгнулась в суставе: качается, будто лишенная костей и сухожилий, потом выпрямляется и как ни в чем не бывало сама возвращается на пояс или на колени – туда, где была до судороги.

«Судороги» – так в отряде Горсинга называли эти непроизвольные движения, даже если речь шла о том, чтобы ночью подняться из постели и, не просыпаясь, отправиться куда-то на подгибающихся ногах. Со стороны могло показаться, что невидимый кукловод поднял на растяжках большую марионетку и, едва справляясь с ее весом, неловко передвигает ее вперед.

– Судороги, – прошептал Горсинг, с омерзением вспоминая, как то одни, то другие части тела начинали двигаться независимо от его воли.

Сокращается мышца, о существовании которой ты раньше и не задумывался. Или западает язык. Или выкручиваются кишки, будто в них копошатся трупники. Иногда лицо искажает гримаса боли – глаза закатываются, губы синеют, а потом, когда судорога проходит, все узнают, что не было ни боли, ни других ощущений, просто ты задремал или о чем-то задумался.

Изменился запах тела. У людей Горсинга, конечно, был запас мыльного порошка – наемники, часто бывающие в лесах Восточных Земель, привыкают мыться два-три раза в неделю, а заодно натираться лепестками цейтуса. Но ведь пахнут смазанные жиром кожаные доспехи, пахнут пропитанные льольтным маслом мешочки трав, соленные от пота поддевки, ремешки, ластовицы, наконец пахнут гронды: сняв их после трехдневного перехода, можно удушиться от зловонья. А тут – ничего. В отряде Горсинга, кажется, все успели тайком обнюхать себя, и выглядело это довольно глупо. Но даже занырнув носом в самую глубь гронды, нельзя было уловить и намека на привычный кислый смрад.

Из всех явных запахов остался один – запах гари. Он угадывался сразу, стоило запалить факел или развести костер на одной из улочек Авендилла. А вот грязное тело, как и пропитавшиеся потом вещи, теперь пахло чем-то непримечательным, едва уловимым.

– Так пахнет в комнате, которую не проветривали пару недель. Сухая пыль, стоялый воздух, – сказал как-то Вельт.

Горсинг не ответил. Не хотел это обсуждать.

– Может, и хорошо, что лечавки погибли, – с грустью добавил Вельт.

– Это почему? – удивился Сит.

– Потому. – Вельт сплюнул и не добавил ни слова.

Вельт был по-своему прав. Лечавки отказались бы признать людей, лишенных привычного запаха. Пришлось бы с ними возиться, а сейчас было не до того. Они погибли двадцать дней назад. Они и два наемника. Горсинг потерял в Авендилле большую часть отряда. Теперь об этом вспоминали реже. Все шло к тому, что живые последуют за мертвыми. На пути к Гаурским кузням становилось тесно. Кажется, и магульдинцы уже не верили Гийюду.

Авендилл... Желтый город¹. Стены его домов – и старых, и новых – были покрыты речной глиной, которую добывали на зыбких берегах Авенды. Глину смешивали с меловой крошкой и очищенным речным илом. Она застывала бугристой коркой, поначалу темнела коричневыми пятнами, но быстро выцветала на солнце и становилась бледно-желтой. После шлифовки ее цвет окончательно выравнивался, а бугристость сменялась приятной шершавостью. Крыши домов, односкатные и пологие, также покрывались исключительно желтой черепичной кровлей.

Глина теперь растрескалась и осыпалась, а черепица успела расползтись, будто город простоял в запустении не двенадцать лет, а все пятьдесят. Авендилл быстро и неотвратимо превращался в руины, затягивался мелкой растительностью. Его объезжали стороной. А прежде это был шумный город, продуваемый ветрами и потому почти лишенный гнуса. В округе не

¹ «Авендилл» может быть переведен с ворватоильского как «желтый, подобно песку». Двойная «л» образована от сочетания «дил – ла», где «дил» – «песок», «ла» – прибавочное окончание, указывающее на сравнительную форму.

сохранилось лесов, а до ближайшего, Лаэрнорского, было двадцать верст, так что даже дикие звери не часто беспокоили горожан.

На этих двадцати верстах, к востоку, разместилось единственное, теперь опустевшее, крестьянское поселение, в остальном город и предместья расширялись исключительно на север. Застроенный по большей части одно- и двухэтажными домами, Авендилл давно перемахнул через северную крепостную стену и вплотную приблизился к Авенде; новый городской участок только с полвека назад огородили дополнительной деревянной стеной. За рекой, оседланной двумя каменными мостами, начинались села, пастбища и посевные поля. Там до сих пор жили люди – когда Авендилл опустел, они приучились вывозить свои товары на запад, в Дар-Иден, или на юго-запад, в Икрандил².

Дальше на север, вплоть до Бальских сопок, встречались только охотничьи угодья, и протянутая к ним дорога давно пришла бы в запустение, если б не Хлорисные озера, где жители сразу двух рабочих поселений добывали и обрабатывали сгущенные пласты хлориса.

Горсинг прислушивался к мертвенной тишине города. Не верилось, что где-то поблизости все еще течет нормальная, не обеспокоенная вырождением жизнь.

Пальцы Горсинга продолжали дергаться. Чем больше расслаблялась рука, тем сильнее становилась судорога, но подняться ей к плечу Горсинг не позволял. Просто следил за тем, как бледная кожа покрывается красной сыпью. В складках ладони уже блеснул пот. Так могло повторяться до сотни раз в день: рука то сохла и бледнела, то покрывалась испариной и раскалялась пунцовыми оттенками, будто ее ошпарили кипятком. И никаких ощущений. Только глухое онемение.

– Да, когда-нибудь меня это подведет, – с неизменным унынием повторил Горсинг.

Левой рукой ощупал второй, короткий, клинок, скрытый под полами цанира. Ходить, а тем более сидеть с двумя мечами было неудобно, но в последние дни оружие успокаивало лучше любых обещаний Гийюда.

– Долго еще? – зевнул Вельт.

За последний год на его и без того немолодом лице заметно прибавилось морщин.

– Ты куда-то торопишься?

– Нет, Горс, не тороплюсь. Но я бы предпочел не просиживать задницу. Мы тут с рассвета. Скоро полдень. Это уже третья засада.

– Раньше... – Горсинг помедлил, – раньше засады были другими.

– Это да, – нехотя согласился Вельт. – А если и эта не сработает?

– Тогда Аюн останется жив.

– И?

– И завтра у тебя будет отгул. Можешь идти куда хочешь.

– Хорошо. Я пойду к Овражным полям.

– Ты знаешь, толку не будет.

– Знаю. Но я должен попробовать. Не хочу подохнуть тут с мыслью, что сделал не все, что мог.

– А с такой мыслью подыхать будет сладко?

– Нет, Горс, не сладко. Но и без горечи.

– Парунку³ не доверяешь?

– Доверяю. Но это птица. Может, у нее там в голове тоже все перекрутилось. Что, если она ничего не почувствует, а мы так и будем тут сидеть?

² «Икрандил» может быть переведен с ворватоильского как «серый песок».

³ *Парунок* – небольшая птица семейства востринных, повсеместно используемая в качестве вестовой. В когтевую полость взрослой особи продевается кольцо с тканым вошным чехлом, куда и помещается вестовая записка. Главный недостаток – малая вместимость чехла (ограничение по весу записки). Главное достоинство – возможность передавать послания даже в холодное время года.

На это Горсингу ответить было нечем. Он знал, что Вельт прав, и даже по-своему был ему благодарен. Кажется, остальные отчаялись и только ворчливо ждали, когда умрут – от какой-нибудь заразы, от зордалина или от очередной судороги, которая остановит им сердце или скрутит легкие. Еще неделю назад идея пожертвовать Аюном показалась бы им ужасной, а сейчас за бегунка никто не вступился. Никто. Даже Вельт промолчал. И теперь Аюн сидел посреди Белой площади. Его привязали к колонне на короткую веревку, с такой не сделаешь и трех шагов. Чуть покачивался, не то в отчаянии, не то в судороге. Из последних сил зажимал рану на ноге. Уже не дергался, не кричал, не пытался вырвать кольцо из колонны, будто догадался, что все ждут от него именно этого.

Белая площадь располагалась на востоке Авендилла, в пяти кварталах от ратуши. Собственно, площадью ее назвать было трудно, так как все пространство между домами занимала Дикая яма – стянутое смотровыми рядами место для боев и состязаний. Дно ямы некогда было присыпано белым песком, который наместник Авендилла закупал в Южных Землях – удовольствие недешевое, учитывая, что песок приходилось везти по Кумаранскому тракту, в обход Ничейных земель, через Лощины Эридиуса, дважды выплачивая монитам пошлину: в Саарминском ущелье и в Орской ложбине.

Круговое двухсаженное ограждение, отделявшее смотровые ряды от боевого круга, створки выпускных ворот и кольца, к которым крепились клетки, как и сами клетки, были выкрашены в белый цвет. Даже круговая улочка между Дикой ямой и ближайшими домами была выложена белым речным камнем, который, впрочем, давно стал пегим из-за проросших там лужаек коричневого мха. Оружие и доспехи также выдавались исключительно белые. Все, чтобы зритель увидел даже крохотное пятнышко крови. Когда крови становилось много, белый цвет уступал, и неистовство на смотровых рядах становилось оглушительным.

Горсингу, сидевшему на подгнившей деревянной скамье второго ряда, порой казалось, что он слышит жадные, ликующие крики этих людей – тех, кто приезжал сюда для простого развлечения, и тех, кто хотел поднять игровой залог на одном из бойцов. Горсинг в Дикой яме был лишь однажды. Собственно, после того, как опустел Авендилл, на все Восточные Земли яма осталась одна – в Матриандире. И сейчас, в полуденной тишине, всматриваясь в то, как беспорядочно дергаются пальцы правой руки, он начинал угадывать отзвуки праздничного шума, оборвавшегося здесь двенадцать лет назад. Наваждение было по-своему приятным. Хотелось его усилить – сосредоточиться на нем, не шевелиться и постепенно увидеть, как вокруг, на других скамьях, проступают силуэты горожан: торговцев, скорняков, булочников, лудильщиков, портных, коноводов – самых обычных людей, заплативших не меньше половины месячного жалованья, чтобы три дня по шесть часов наблюдать за тем, как Белая площадь окрашивается в красный.

Вздвигнув, Горсинг огляделся. Не хотел, чтобы кто-то увидел его в таком состоянии. Однако остальным сейчас явно было не до него. Возможно, наваждение терзало и других. Еще одна странность заброшенного города. Блуждающие воспоминания – слабые тени давно угасшей жизни.

– Что скажешь его матери? – Вельт неторопливо растирал между ладонями ломтик ганитной смолки.

Горсинг, не глядя на привязанного к колонне Аюна, тихо ответил:

– Правду.

– Дальма спросит, почему именно ее сын.

– Не спросит. Она знала, что однажды случится что-нибудь такое, глупое.

– Да, – без улыбки усмехнулся Вельт, – она ему всегда говорила, *подносчики булочек* первые попадают под раздачу.

– Подносчики булочек...

– Да. Одни сидят тихо, ждут своего часа и не высовываются. А другие бегут за булочками, если видят, что кто-то проголодался.

– Я помню, Вельт, можешь не повторять.

– Потом на всю жизнь остаются услужливыми и бестолковыми. И однажды услужливо подставляют грудь под стрелу, предназначенную другим. – Вельт положил под язык растертую смолку.

Обычно от него в такие мгновения пахло сосновой хвоей. Обычно. Но не сейчас. Сейчас запахов не было.

– Это случается. – Горсинг опять заметил недовольный взгляд сидевшего на первом ряду Гийюда – магульдинец просил всех молчать и прислушиваться к городской тишине, но Горс чувствовал, что должен как-то оправдаться. Не перед Вельтом. Перед самим собой.

– Что? – Вельт, вытянув губы, посасывал смолку. Его смазанные маслом усы топорщились и поблескивали на солнце.

– Люди гибнут.

– Но не так.

– И так тоже.

– Да, если ты какой-нибудь поганый крысятник или отчаявшийся рыскарь.

– Как видишь, не только.

Мать и старший брат Аюна ждали в лагере на Старой дороге. Брат Тарха и жена Сита ждали в Целинде. Им бы самое время заволноваться и выслать сюда подмогу. Отряд Горсинга не давал о себе знать больше месяца – большой срок. К тому же Горсинг отправил Эрзе первого бегунка еще до того, как встретился с красными. Но подмоги по-прежнему не было. «И не будет... Возможно, Гийюд прав – дорога закрылась не только отсюда, но и сюда. Никто больше не придет в Авендилл. По меньшей мере, в тот, где мы находимся. Что бы это ни значило».

– У нас не было выбора, – прошептал Горсинг.

– Я знаю.

– Ты...

– Чего?

– Ты это слышишь?

Вельт не ответил.

В тишине опять угадывалось приглушенное эхо голосов. Грохот нарнаитских барабанов. Звон наместных труб, возвещавших славу и силу роду Эрхегорда. И гул сотен людей, собравшихся на Белой площади, чтобы следить за трехдневными боями.

Под настилом нижнего ряда пряталось двенадцать загонов. Некогда в каждом из них своей минуты ждали бойцы. Не только люди. Дикие звери. Иногда черноиты и даже салауры. Никто, кроме распорядителя игр, не знал их точного состава и расположения. Все зависело от объявленного числа клинков. Самые жестокие и кровавые бои устраивались в Дикой яме трех клинков. Самые тихие, с наименьшим числом смертей и при участии наименее интересных бойцов, проводились под флагом одного клинка.

Наместник города, кто-то из почетных гостей или сам распорядитель наугад вынимали из игровой чаши два каменных кубика, на каждом из которых были выбиты номера загонов. Затем открывались соответствующие выпускные ворота, из которых на дно Дикой ямы выбегали бойцы. Так, на белом песке в противостояние могли вступить два человека среднегорной полосы и мавган, два нарнаита и три дворка, ирбис и сиргоитный кабан, черно-бурый медведь и две наргтии – все зависело от распорядителя, который, конечно, старался привлечь в яму обученных бойцов.

Люди, будь то нарнаит, дворк, маор или самый обыкновенный человек среднегорной полосы, выбегали на дно без одежды и снаряжения. Как и дикие звери, они были выкрашены алонными белилами, но людям давали преимущество – на колонне, стоящей в самом центре

ямы, висели доспехи и оружие. Правда, добраться до них было непросто. Для начала требовалось преодолеть два ряда клеток, стальными кругами опоясывавших колонну.

Первый ряд был высотой в аршин и шириной в две сажени. В нем держали мавганов. Требовалось запрыгнуть на клетку, пробежать по ее выкрашенным в белое прутьям. Задача простая, если не учитывать, что снизу бойца с рычанием цепляли разъяренные мавганы. Они могли до костей исполосовать ничем не защищенную ступню или вовсе вырвать из нее кусок мяса, если боец, оступившись, падал ногой между прутьев. Случалось и так, что мавганы, ухватив жертву, больше не выпускали ее, поначалу терзая ноги, а затем добираясь и до остального тела.

Второй ряд клеток был высотой почти в три аршина и шириной в три сажени. В них поджидали затравщики – те из людей-бойцов, кто уже участвовал в бою или только готовился вступить в бой на следующий день. Они нападали не так озлобленно, как мавганы, и действовали куда более осмысленно. Если во втором ряду стояли нарголы или дворки, опасным оказывался лишь спуск с клетки – рост не позволял им дотянуться до верхних прутьев, своего шанса они ждали по краям. Остальные затравщики старались сразу повалить бойца, затянуть к себе его ногу или руку. Убивать или тяжело калечить не было смысла. Они старались нанести бойцу незначительную травму – такую, чтобы он мог и дальше участвовать в бою, а последствия травмы сполна ощутил лишь после его окончания, если он, конечно, вообще выживет. Поэтому загонщики, как правило, ограничивались тем, что выламывали один или два пальца, надрывали ухо или били по ногам до багровых синяков.

Выбежав на дно ямы, каждый боец действовал в зависимости от своего опыта, силы и противника. Когда друг против друга вставали люди, можно было сразу броситься за оружием, а можно было подождать, пока это сделает твой соперник, и затем надеяться, что он либо погибнет на первом же ряду клеток, либо вернется в доспехах и с мечом, но до того израненный, что победить его не составит труда. Все добытое оружие доставалось победителю, с ним он участвовал в итоговом, аделъвитном, бою.

Если бойцы выходили в паре, то один мог отвлекать мавганов из первых клеток, давая шанс напарнику пробраться к снаряжению. А кто-то предпочитал бежать в связке, помогая друг другу отбиваться от загонщиков. Чем больше клинков объявлялось в Дикой яме, тем более разнообразной оказывалась тактика.

В последний, третий, день Дикой ямы в загонах своего выхода ждали победители двенадцати предыдущих боев. Тут случайный выбор каменных кубиков становился особенно важным, потому что к победителю первого поединка сразу выпускали нового соперника – чтобы одержать окончательную победу и получить венок аделъвита, ему предстояло одного за другим одолеть одиннадцать соперников. За всю историю Диких ям в Авендилле такое удавалось лишь пяти бойцам.

На аделъвитный бой разрешалось подписывать долговой залог, никаких ограничений, кроме оценочного предела, заверенного в Заложном доме, не существовало. Обогатиться или оставить состояние в Дикой яме было делом обычным, так что шум на смотровых рядах действительно стоял оглушающий.

Лучшие места занимали наместник, распорядитель и почетные гости. Они располагались в смотровой чаше, которая венчала центральную колонну посреди Дикой ямы. Это была массивная ложа, как и сама колонна, вырубленная из карнальского камня мастерами Багульдина. Внутри каменной чаши размещалась деревянная; в ней стояли смотровые козетки, трапезные столы, отхожие бочки и даже меховые ленники – для тех зрителей, кто захочет вздремнуть, утомленный затянувшимся боем. От деревянной чаши тянулся десяток витых канатов, они белыми дугами расходились во все концы Белой площади и крепились к стенам домов. Так было сделано на случай обрушения колонны – в Восточных Землях хорошо запомнили случившееся больше века назад Третье глубинное землетрясение.

Из смотровой чаши разрешалось не только наблюдать за боями, но также забрасывать бойцов небольшими ткаными мешочками с песком. Даже при попадании в незащищенную голову они не причиняли ощутимого вреда, но, удачно брошенные в нужный момент, могли повлиять на исход противостояния – достаточно было привлечь внимание мавганов из первого ряда клеток к незаметно подкравшемуся бойцу. Впрочем, их главным назначением было развлекать почетных гостей, которые нередко устраивали своеобразное соревнование в меткости. Отчаявшись попасть в подвижную цель, гости часто выбирали цель попроще – тех, кто уже был серьезно ранен и просто ждал, когда настанет его черед умереть.

Горсинг с унынием смотрел на облупившуюся, обнажившую серые бока карнальского камня смотровую чашу и пытался представить, как именно туда поднимали гостей. Этого Горсинг не знал. Надеясь отвлечься от томительного ожидания, представлял то громоздкую лестницу, по которой карабкаются разодетые богачи, то навесную лодку, которую пускали по крепейным канатам напрямик в центр Белой площади, а то и подъемную ступень из метательной варны, вынужденной поднимать людей вместо снарядов.

За двенадцать лет запустения облупилась не только смотровая чаша. Краска облезла и с кругового ограждения, и с выпускных ворот, и с лавок смотровых рядов, и с колонны. Белый песок выветрился, а те небольшие насыпи, что остались по углам, пожелтели. Клетки проржавели и сейчас стояли в загонах. Белая площадь давно перестала быть белой, а яма превратилась в ловушку для мусора – все эти годы его ветром сносило на дно, оставляя тут гнить и разлагаться. Вчера вечером, готовя западню, Гийюд распорядился разобрать этот завал, и теперь можно было подумать, что кто-то решил возобновить в Авендилле Дикую яму.

– Ну что ж, зрители собрались, – прошептал Горсинг.

За сражением в боевом кругу можно было наблюдать и с балконов сразу трех постоянных дворов. Собственно, все таверны и постоянные дворы Авендилла располагались именно здесь, на Белой площади. Трехэтажные, сложенные из карнальского камня и даже украшенные лепниной, они сохранились лучше всего – наравне с богатыми домами Торговой площади. Восстановить их фасады было бы нетрудно: достаточно подлатать стены, освежить земляные сикоры на крышах и выступах между этажами, кое-где счистить наросты мха и ползучих растений.

– Думаешь, жизнь сюда вернется? – спросил Вельт.

Кажется, его преследовали те же мысли.

Горсинг не ответил Вельту. Наемник и не ждал этого. Сам знал, что в такие города жизнь возвращается редко. Даже Вепрогон, хотя прошло сорок лет после Черного моря, до сих пор стоял в запустении. А ведь это был крупный город возле Кумаранского тракта. Южане так просто не отступают с обжитых мест. Однако тут они испугались.

Конечно, никто не доказал, что Авендилл именно выродился, но шансов на восстановление у него теперь было немного. Едва ли кто-то рискнет вновь заселять эти здания. А Дикую яму со временем откроют где-нибудь еще: в Икрандиле или в Целинде. Одной ямы на Восточные Земли явно мало.

В последние годы подобных развлечений в Землях Эрхегорда становилось все больше. В Эпоху Прарождения или в Светлую эпоху никто бы не отпустил своих пленных или каторжников на подобные бои, для них было предостаточно дел на строительстве Кумаранского тракта, на возведении новых крепостей. А уж нарочно тренировать бойцов, чтобы потом для развлечения горожан устраивать массовый забой, ни у кого бы не возникло и мысли, в здешних краях и без того всегда находился повод умереть. Теперь же в Западных Землях проводили Красный гон, в Северных Землях устраивали Ночь огня, а Дикую яму полюбили во всех Землях без исключения, особенно в Лощинах Эридиуса.

– Горс?

Горсинг слышал, как его зовет Вельт, но среагировал не сразу. Эхо ликующих голосов еще никогда не звучало в его голове так отчетливо, как сейчас, когда он окончательно погрузился в мысли о Дикой яме.

– Горс?

– Что?! – Горсинг сдержал раздражение, но все равно отозвался слишком громко.

– Твоя рука.

– Что...

Горсинг только сейчас заметил, как его побледневшая, стянутая сухостью кисть упирается в скамью – пальцы неестественно прогнулись и почти дотягивались до запястья с тыльной стороны. Горсинг вскочил. Эхо голосов мгновенно стихло. Рассеянность и уныние сменила злость.

– Говорят, в Вепрогоне все так же начиналось. – Вельт с подозрением поглядывал на свои руки. – Люди теряли контроль над телом. А потом убивали себя.

– Не люди. Черноиты.

– И то правда...

Горсинг сжал кулаки, отчего костяшки на пальцах окончательно побелели. Вельт, конечно, был прав – нет ничего хуже, чем просто сидеть на месте и ждать. Идея с западней ему сразу не понравилась, еще до того, как магульдинцы привязали Аюна к колонне.

Опасаясь очередного наваждения, Горсинг решил пройти по смотровым рядам. Гийюд призывал их двигаться как можно меньше, но в конце концов он же сам сказал, что Пожирателя нельзя отпугнуть, его можно только привлечь.

Из отряда Горсинга осталось пять человек. Трое погибли в первый же день, когда Теор, поганый акробат, привел их к ратуше. Весь из себя улыбчивый, вежливый, до омерзения похожий на пустынных аваков – уродцев, живущих у границы Соленых озер. Нанял Горсинга в Целинде. Рассказал печальную историю об отце, который погиб в Авендилле двенадцать лет назад – его якобы передало телегой, когда в городе началась паника.

«Я хочу найти медальон с портретом прабабушки – это последняя семейная ценность. Единственная связь с моим прошлым. Задача простая. Добраться до Авендилла, найти наш дом, обыскать его и вернуться. Если медальона не окажется в доме, значит, он в ратуше. Отец там работал».

Впрочем, в отряде про Теора давно забыли. Только Вельт до сих пор изредка причитал – говорил, что его нужно было как следует допросить, прежде чем он сбежал. Теор, если только это его настоящее имя, явно знал о тайнах Авендилла куда больше, чем могло показаться.

Еще двое погибли двадцать дней назад вместе с лечавками. Что именно с ними случилось, никто не знал. Гийюд тогда заявил, что они привлекли зордалина:

– Пожиратель, даже такой молодой, не выносит шума. Он пока слаб и на большую группу не нападет, а тут – пожалуйста. Чем больше становлений он пройдет, тем сильнее будет. Под конец сможет за раз пожрать хоть сотню людей.

– Пожиратель...

Горсинг никогда прежде не слышал о таких зордалинах. А лечавки и в самом деле вели себя шумно, пусть и были обучены тихой слежке. Первые дни просто скулили, отказывались искать следы, а потом начали выть – протяжно, до изнеможения. Гийюд грозился своими руками их передуть. Делать этого не пришлось. Они исчезли. Вместе с двумя наемниками.

У Горсинга остались только Тарх, сейчас стоявший в дозоре на Мыторной улице – на случай, если придет помощь от Эрзы, Аюн, теперь привязанный к колонне в Дикой яме, Сит, сидевший чуть поодаль, и Вельт. Последнему, несмотря на все его разговоры, Горсинг доверял, как никому другому. Вельт успел отслужить десяток лет в сторожевой сотне, затем умудрился подпоить и ограбить собственного сулена, за что получил закрытую створную сигву, пробыл в

створных колодках пять лет, а четыре года назад нанялся к Горсингу водить контрабандистов по Старой дороге.

Четыре человека. И до вечера один из них должен был умереть.

Красных в Авендилле осталось куда больше. Семнадцать наемников. Горсинг, отправив Гийюду бегунка с сообщением о том, что творится в Авендилле, не думал, что их приедет так много. Прежде красный легион не часто позволял себе открыто передвигаться по Восточным Землям такими отрядами. Впрочем, они научились хорошо скрывать свою принадлежность. Одевались в обычные кожаные нилеты с нашивками из кольчуги в подмышках и стальными пластинами на боках и груди. Из оружия, как правило, брали только короткие клинки и обитые медью дубинки. Почти ни у кого не было мечей, ни пехотных, ни даже ратных. Так мог одеваться обычный горожанин – в надежде наняться стражником в какое-нибудь ремесленное село. Горсинг видел лишь трех магульдинцев с оружием, заклеянным Волчьей башней. Они редко показывались на Тракте, сидели в защищенных от чужого внимания местах – таких, как лагерь на Старой дороге.

Люди Горсинга больше года работали по заказу магульдинцев. Те платили достаточно, чтобы забыть о контрабандистах и не задавать лишних вопросов. Времена изменились. Еще лет десять назад такое было трудно представить, а теперь красные и не скрывают, что пойманных лигуритов напрямую сбывают книжникам.

Горсинг столкнулся с тем, что некоторые сельчане сами выходят на его людей – просят избавить от кого-нибудь из родственников, если вдруг заподозрят, что тот стал черноитом. Под этим предлогом Горсингу уже не раз пытались всучить просто неудобного человека – не в пример другим увлекшегося стихами, или восставшего против власти отца, или отказывавшегося праздновать Веселую Гунду и предпочитавшего уединение.

В прежние годы все было иначе. В селах семьи до последнего удерживали своих черноитов, прятали их по сараям и амбарам, говорили, что скорее убьют их своими руками, чем отдадут кромешникам или книжникам.

– Полдень, – хрипло сказал Гийюд.

Горсинг вздрогнул. Он опять увлекся мыслями и совсем забыл о происходящем. С опаской посмотрел на руку. По сжатому кулаку стекали капли пота. Никаких судорог.

– Самое время расшевелить приманку.

– Аюн, – тихо, с едва скрываемой злобой ответил Горсинг. – Его зовут Аюн.

– Ну да...

Горсинг уже слышал о Гийюде, но прежде его не встречал. И был этому только рад. Думал, что в Авендилл пришлют кого-нибудь из тех, с кем он уже ходил на отлов лигуритов: Крошнака или Саэгра. Прислали обоих. С ними – целый отряд других магульдинцев и его, Гийюда.

Трудно представить более неприятного человека. Завидев такого, простые горожане опускают глаза, а потом, проходя мимо, косятся на него, стараясь получше разглядеть изуродованное лицо. Лицевые сигвы. Горсинг никогда раньше не видел закрытые лицевые сигвы – каждый из символов принадлежности к знатному роду был грубо, почти небрежно взят в рамку. Значит, закрывали их против его воли. Лишен всех прав, лишен своего рода. Кроме того, лицо Гийюда пересекала черная пунктирная полоса – она опускалась ото лба, с обеих сторон огибала подбородок и уходила к шее. Суэфрит. Несущий Эхо. Значит, лишившись родовых сигв, подался в нерлиты. Взамен получил ангорную сигву на лицо и на шею, справа. Или наоборот – ушел в нерлиты и был за это наказан. Горсинг этого не знал. Да и это было не так важно, ведь в дальнейшем путь Гийюда оказался еще более замысловатым. Из нерлитов он подался в магульдинцы – ушел от тех, кто восхваляет Предшественников, к тем, кто презирает их творения.

По лицу Гийюда можно было прочесть многое, и, конечно, незакрытые сигвы делали его уродливым. У Гийюда были срезаны веки – под корень, и ноздри – под кость. Кто бы это ни сделал, он избрал своеобразное наказание, куда более привычное для царства Махардишана или какой-нибудь другой южной земли. Чтобы сохранить глаза от пересыхания, Гийюд теперь носил окуляр из тончайшего сетчатого стекла, затянутый на ремешки и по краю смягченный черным не то линельным, не то нилловым ободком. Окуляр, изгибаясь над огрызком носа, точно повторял изгибы лица, покрывал почти треть лба, а сверху заострялся двумя короткими шипами с отверстиями. Гийюд никогда его не снимал, а внутрь заливал смягчающий травный раствор, из-за чего вся кожа под окуляром приобрела илистый оттенок, местами покрылась грубыми морщинами. При этом белки обнаженных подвижных глаз чуть позеленели и казались рыхлыми.

Уродство Гийюда было вдвойне неприятным из-за того, что в остальном он сохранил здоровое тело мужчины. Не горбился, не хромал. Его руки были достаточно крепкими, чтобы держать меч или топор.

– Ему будто чужую голову посадили, – прошептал Вельт, когда впервые увидел магуль-динца.

Гийюд не носил доспехи. Только путевой плащ, отделанный тонким ошелином, под которым просматривались кожаная рубашка с застежками в виде скрещенных когтей орлеута и кожаные штаны с крепежами для ниоб. В отделке плаща было предусмотрено целое переплетение полостей – узнав причину этого необычного покроя, Горсинг проникся еще бóльшим отвращением к Гийюду.

В этих полостях жил стригач – мерзкое лесное создание, известное своим пристрастием к поеданию еще живой плоти. Толщиной в три пальца, длиной в пол-аршина, покрытое коричневой шерсткой, с шестью парами угловатых конечностей, с крохотной подвижной головкой и непропорционально массивными жвалами, упрятаннкими под самым хвостом. Лучшее, что мог бы сделать любой нормальный человек, встретив стригача, убить его. Раздавить, рассечь, растоптать, что угодно, только бы не ложиться спать, зная, что он живет где-то поблизости. Гийюд же стригача приручил, и Горсинг не испытывал ни малейшего желания узнать, как именно.

Гийюд похлопал себя по ноге и вытянул руку. Замер. Это был призыв. Мгновениями позже в полах плаща началось движение. Стригач торопливо выполз наружу. Скользнул по кожаному рукаву и замер на запястье, возле перчатки.

– Ты знаешь, что делать. – Приблизившись к бортику нижнего ряда, Гийюд опустил руку. Стригач мгновенно юркнул в пролом между изгнившими досками.

Вельт и Сит отвернулись. Они уже поняли, что именно сейчас произойдет. Не хотели этого видеть.

Вельт достал очередной ломтик ганитной смолки, принялся тереть его между ладонями с особым усердием, при этом поглядывал на возвышавшуюся за Дикой ямой таверну, будто ждал, что Пожиратель придет именно оттуда.

Сит вытащил из заплечного мешка куклу. Нашел ее дней десять назад в одном из домов Авендила. Простая марионетка, вырезанная из сосны и прошитая льняными нитками. Дешевая игрушка, но Сит ею заинтересовался, а по вечерам забавлял всех игрой: расслаблял руки и, дождавшись судороги, любовался тем, как марионетка выплясывает сама по себе. Наемникам нравилась эта игра. Даже Горсинг улыбался. Когда же кукла начинала изображать что-нибудь совсем непотребное, приходилось сдерживать смех. При этом Сит клялся, что по-прежнему не контролирует руку, но ему, конечно, никто не верил – слишком уж очевидным становилось то, что делает кукла.

Горсинг, в отличие от своих людей, не отвернулся от ямы. Должен был все увидеть. Стиснув рукоять меча, заставлял себя смотреть на то, как по серой, утопанной поверхности дна торопится коричневое тельце, издав далеко напоминавшее степного хорька.

Аюн по-прежнему сидел возле столба, чуть покачивался, зажимал рану, которую ему утром нанес один из красных. Еще не видел устремившегося к нему стригача.

Горсинг ждал. Это был его человек. Глупый, наивный. «Такие долго не живут на Старой дороге», – сказал Вельт, когда Дальма, мать Аюна, впервые привела в лагерь своего младшего сына. Полукровка. В его венах текла кровь маоров. Из них выходили отличные бегунки.

– Такие долго не живут, – шепотом повторил Горсинг, будто так мог себя оправдать.

Стригач остановился. На мгновение слился с землей ямы. Пошел в обход колонны. Мерзкое, но умное создание. Только такие и могли выжить в Землях Эрхегорда. «И мы не лучше. Ничем. Тут вариантов немного. Ляг и умри. Или стань вот таким...»

Стригач скрылся за колонной. Можно было подумать, что он вовсе пробежал мимо Аюна, совершенно не интересуясь раненым наемником. Однако Горсинг не обманывался. Хотел крикнуть, предостеречь, но не стал. Понимал, что толку от этого не будет.

Вскоре стригач показался на колонне – в двух саженях от Аюна. Застыл над ним. Потом стал неторопливо спускаться. Спустившись до головы бегунка, юркнул ему за спину.

Вновь тишина. И только Аюн покачивался на месте. Ослабленная веревка лежала возле его ног. Она тройным хватом стягивала ему бедра и живот. Из такой хватки не вырваться.

Когда Аюн закричал, вздрогнули все. Даже Гийюд.

Крик был тонким, рвущимся. Он заполнил яму, поднялся по стенам ограждения, перелился на смотровые ряды и устремился ввысь, к стоявшим вокруг Белой площади зданиям. Одновременно с Аюном закричали сотни зрителей, пришедших насладиться кровавым буйством Дикой ямы. Горсинг едва сдержался – хотел обхватить голову, зажать уши, чтобы ничего не слышать. Закрыть глаза, отвернуться. Однако не отрываясь смотрел на то, как в приступе нестерпимой боли дергается Аюн: рвет веревку, бьет себя по ноге. Значит, стригач проник прямо к ране. Он знал свое дело. И так просто его не раздавить. Крепкое тело стригача выдержало бы и не такие удары.

С криком Аюна все красные зашевелились, будто думали, что Пожиратель уже на подходе. На смотровых рядах – пятеро с зазубренными копьями. В самой яме, у дальнего ограждения, – четыре арбалетчика, попарно зарядившие снаряды с метательной сеткой. Сетку еще утром пропитали огневой солью, и теперь где-то в загонах прятались магульдинцы с зажженными факелами и кусками просмоленной ткани.

Над бортиком верхнего ряда появился Крошнук – саженный наемник, с уродством которого мог поспорить только Гийюд: скошенная над узким лбом и будто собранная из разных кусков голова, тяжелые, чересчур длинные руки и непреходящее выражение тупого, звериного ожесточения.

Из красных на крик бегунка не отреагировала только Вета – худенькая девочка лет пятнадцати, повсюду сопровождавшая Гийюда. Она и сейчас сидела неподалеку от магульдинца и подкармливала сидевшего в клетке парунка. Клетка была открыта. Ее не закрывали с тех пор, как поняли, что Авендилл закрылся и никого не выпускает. Парунок был обучен доставлять небольшие свертки пергамента. Дней двадцать назад Гийюд подготовил послание, но птица так и не смогла его доставить – вернулась в лагерь, как и посланный чуть ранее Аюн. На следующий день Вета отправила парунка еще раз, однако он вовсе отказался улетать – лучше людей понимал, что это бессмысленно. Теперь клетку держали открытой. Птица могла первой почувствовать, что город открылся, и улететь.

– Вот так лучше, – кивнул Гийюд, наблюдая за Аюном.

Бегунок по-прежнему кричал, но уже не так громко, он теперь больше стонал и плакал. С его криком ослабло и эхо бесновавшихся на смотровых рядах зрителей. Горсингу было бы проще, если б Аюн выпрашивал свободу, умолял о снисхождении. Но Аюн ничего подобного не делал. Он сам выбрал свою участь. Подносчик булочек.

Вчера Гийюд объявил, что нужен живец:

– Наши ловушки не сработали и не сработают. Поздно. Зордалин прошел первое становление. Может, не только первое. Без приманки мы ничего не сделаем. И приманка нужна сейчас. Потом будет поздно. Если уже не поздно.

Тогда Аюн вышел вперед. Он всегда так поступал – и в Целинде, и в лагере на Старой дороге. Знал, что, кроме матери, в него никто по-настоящему не верит, и всегда пытался доказать, что ничем не хуже старшего брата, что может стать для Горсинга кем-то более значимым, чем простой бегунок.

Аюн заявил Гийюду, что готов стать живцом. Его не отговаривали. Как и в тот раз, когда Аюн согласился ночью пройтись по городу. С тех пор как появились первые приступы судорог, Гийюд распорядился перед сном привязывать себя. В полном расслаблении невозможно было контролировать тело, и часовые дважды ловили блуждавших в темноте людей, прежде чем все наконец согласилось лежать на привязи. Впрочем, «блуждать» – тут не совсем точное слово. Те, кто встал ночью, только первые минуты двигались беспорядочно, упираясь в стены, спотыкаясь и падая, потом в их походке появлялась твердость, они будто вспоминали что-то очень важное и после этого шагали вполне целенаправленно. Гийюд предложил отпустить одного из таких ходоков и посмотреть, куда именно он придет. Аюн вызвался добровольцем.

Все бы закончилось уже тогда, если б не вмешался Горсинг. Они больше часа следили за путаными, но уверенными перемещениями Аюна. Бродить по Авендиллу ночью было опасным занятием, но бегунок с легкостью обходил гиблые места. Наемники шли по его следам, боялись отступить хотя бы на шаг в сторону. И вскоре стало понятно, что Аюн идет к Торговой площади. Значит, к ратуше. Гийюд, конечно, позволил бы ему подняться по лестнице, войти в распахнутые парадные двери, но Горсинг тогда разбудил Аюна. Это был первый и последний раз, когда они так близко подошли к ратуше с тех пор, как их сюда привел акробат.

Красные пытались что-то вынюхивать на Торговой площади, даже поставили там несколько ловушек. Потеряли одного из своих. Затем еще одного. Из ратуши никто не возвращался. Наконец Гийюд признал, что там ничего, кроме смерти, не найти:

– А вот твой ходок мог бы проскользнуть внутрь. И кто знает, что бы тогда случилось.

– Во-первых, его зовут Аюн. Во-вторых, я знаю, что случилось бы. Мы бы его больше никогда не увидели.

Теперь Аюна привязали к колонне Дикой ямы, и на этот раз у него было еще меньше шансов выбраться живым.

Аюн продолжал сдавленно выть. Изредка от боли проваливался в беспамятство. Очнувшись, кричал, но его крик быстро слабел, вновь превращался во влажный, тяжелый стон. Бил себя по ноге – слабо, всякий раз вздрагивая. Значит, стригач по-прежнему грыз его рану. Знал свое дело. Неспешно поедая живую плоть. Торопиться ему было некуда.

Голос Аюна постепенно стал очередным фоном, будто и не голос вовсе, а всего лишь эхо – одно из многих, затерявшись на Белой площади.

Горсинг увидел достаточно. Присев на место, до онемения вцепился рукой в край скамьи. Надеялся только, что боль Аюна и его крики в самом деле привлекут Пожирателя.

Впервые они наткнулись на зордалина больше месяца назад, неподалеку от ратуши. Акробат к этому времени сбежал, и Горсинг решил обыскать город в надежде найти что-нибудь интересное. Нашел. Шевелящийся сгусток. Будто мягкий огарок гигантской свечи, только весь черный. В обхват – две сажени, в высоту – два аршина, не больше. Он медленно и беззвучно перетекал по земле, словно выдавливался из самого себя, обмазывался своими же соками, при этом оставался на месте. Густой, как уваренная патока, и легкий, как вода, по которой от ветра расходится рябь. Видимой опасности от Пожирателя тогда не исходило, но Вельт предложил скорее убраться из города:

– Не нравится мне это. И знаешь, странно...

– Что?

– Он... Оно все такое черное, будто гнилое и... В общем, так выглядит, будто должно смердеть за версту.

– А запаха нет.

– Никакого, – кивнул Вельт.

– И никаких звуков.

– Уходим-ка, а? Хватит с нас. Пусть красные разбираются.

Красных находка заинтересовала. Гийюд лично допросил каждого, выпрашивая все, что люди Горсинга запомнили – каждую подмеченную деталь того сгустка. Наконец сказал, что по всем признакам это зордалин, «звероподобный» лигурит, – полностью выродившийся человек, одно из самых мерзких порождений лигуров.

– И не просто зордалин. Пожиратель. По крайней мере, так, ну или почти так, его описывали те, кто выжил после встречи с ним. И главное. Это молодой Пожиратель. Он там появился не больше месяца назад. Значит, его можно поймать.

– Что будет, когда он окончательно выродится?

– Этого я не знаю. Но говорят всякое.

– Что говорят?

– Что он выстраивает себе гнездо. Или кокон. Огромную черную опухоль, больше похожую на дерево. Звучит почти правдоподобно. Вот только не понятно, что происходит дальше. Зачем ему это гнездо? Что он с ним делает? Кем сам становится? Но это уже не моя и не твоя забота. Нам только нужно успеть до того, как вырождение продолжится.

Не успели.

И больше Гийюд ничего не сказал. Только потребовал сопровождать его отряд: хотел, чтобы Горсинг точно указал место, где он и его люди нашли сгусток, и чтобы помогли с перевозом хрусталинового куба – громоздкой конструкции, в которую они намеревались упрятать зордалина. Куб так и стоял неиспользованный. Пожирателя на месте не оказалось. Вельт тогда предложил не рисковать:

– Мы свое дело сделали. Уходим.

Но Гийюд предупредил, что оплатит лишь завершённую работу. И оплату он обещал значительную. Должно быть, красные в самом деле были уверены, что книжники раскошелятся, когда узнают о таком товаре.

Горсинг решил остаться. А когда бегунок, отправленный к Эрзе, не смог отъехать от Авендилла, уже было поздно менять решение. Город закрылся. Правда, Горсинг не поверил Аюну. Дважды пытался со своими людьми добраться до Старой дороги. Выехал в сторону Икрандила, затем в сторону Усть-Лаэрна. И оба раза возвращался назад, в Авендилл.

Гийюд тогда сказал, что с поимкой зордалина они опоздали:

– Живым его не взять.

– И что делать?

– Убить. Он еще не так силен. За мертвого я заплачу, как за живого, не беспокойся. И теперь у тебя точно нет выбора. Пока не уьем зордалина, отсюда не выберемся.

С тех пор люди Горсинга вместе с магульдинцами обыскивали город, устраивали облавы, ставили ловушки.

Толку от этого не было.

Когда исчезли лечавки и два наемника, Гийюд впервые сказал, что Пожирателя привлекают звуки. Рассказал, как в Темную эпоху пропадали целые отряды нарнаитов, по незнанию заходившие в Вескортунский каньон и устраивавшие там погромы в пустующих домах:

– После вырождения Вескорта впервые заговорили о Пожирателях. Позже, в годы Вольмара, туда выезжали кромешники. Под защитой лигуров, конечно.

– Откуда ты это знаешь?

– Их тогда сопровождали нерлиты. Они хорошо знали Вескорт и могли пригодиться. И они догадывались, откуда взялся зордалин. Тут всегда важно знать причину его появления.

– Что происходит с теми, кто исчез?

– Не знаю. Никто не знает. А то место, где Пожиратель добрался до людей, изменяется. Жизнь там замирает, будто вырванная из ткани нашего мира. Ни следов, ни звуков – ничего.

Гийюд в тот день был словоохотлив. Впервые так подробно рассказывал о зордалинах.

– Плохо, – промолвил Вельт.

– Что? – не понял Горсинг.

– Если этот лупоглазый вдруг так разговорился, значит, дела у нас совсем паршивые.

Именно тогда Горсинг услышал то небольшое, что красные знали об Авендилле. Получалось, что его судьба напрямую связана с вырождением Лаэрнора. В Целинде и раньше об этом говорили. Оба города изменились в одно время, но такое совпадение было единственным известным доказательством их связи.

По словам Гийюда, все началось двадцать лет назад, когда выродилась Пластина молодости – лигур, принадлежавший Суалану из рода Аниона и помещенный на дно Гусиного озера. Пластина делала воду целебной, окунуться в озеро собирались со всех Восточных Земель – приезжие, конечно, не подозревали, что однажды лигур сделает их черноитами, вынужденными жить в Лаэрноре и каждый день омываться лигурной водой. Черноиты, увезенные из здорового городка, умирали мучительной смертью – у них разбухали суставы, выпадали ногти и зубы, кожа иссыхала, покрывалась черными язвами, а глаза изгнивали в глазницах.

Шуму тогда было много, ведь пострадали прежде всего наследницы богатых родов. Вырождением Лаэрнора заинтересовались не только эльгинцы. Однако даже кромешники так ничего и не смогли сделать. Или не захотели.

Родная сестра Суалана была женой книжника Нитоса из рода Мелендарна. Она обратилась к мужу, надеясь, что он поможет спасти ее брата, да и весь род Аниона, уже не раз попадавший в ойгурную немилость, а теперь обреченный на окончательное разорение.

– Нитос поначалу отказал жене. Сказал, что Лаэрнором занимаются кромешники, а пережить им опасно даже для книжника. Прошло четыре года, прежде чем он наконец заинтересовался Пластиной молодости. К тому времени эльгинцы отступились от нее. Не знаю, хотел ли Нитос выручить Суалана и его родственников, которые сменили богатые дома на каторжные норы Роктана, или только надеялся изучить очередной изменившийся лигур, это не так важно.

Горсинг старался не смотреть на Гийюда – за все эти дни он так и не привык к его жутким выпученным глазам, упрятым в раствор окуляра.

– О том, что происходило дальше, известно немного. Тут больше слухов и домыслов.

Из слов Гийюда получалось, что Нитос с женой переехали в Авендилл. Этот город ближе остальных располагался к Лаэрнорскому лесу. Купили здесь дом, чтобы не привлекать лишнего внимания, – книжнику, вдруг заселившемуся на постоянный двор, было бы трудно скрывать свои занятия. Именно в этом, теперь опустевшем, доме Гийюд, едва оказавшись в Авендилле, распорядился разбить лагерь магульдинцев.

Обосновавшись в городе, Нитос обратился к наместнику. Заявил, что прибыл сюда по личному делу и в случае, если наместник и комендант не будут ему мешать, впоследствии найдет возможность их отблагодарить. Он мог бы обойтись без посулов. Книжников боялись. Они редко покидали стены Оридора, и появление одного из них в таком незначительном, известном лишь Дикой ямой городке не могло не настораживать.

Нитос договорился с наместником о строительстве отдельной комнаты в ратуше. Не стал ничего объяснять. Сказал только, что ищет самое безопасное место в Авендилле – такое, где комната была бы под неусыпным надзором стражи. Выбор пал на приемный зал, точнее, на чулан, в котором слуги хранили метлы, щетки, тряпки и тому подобное. Наместник разрешил на неделю закрыть зал, чтобы никто не проведал, что именно там происходит.

Наняли каменщиков – тех, кто прежде не бывал в Авендилле, не имел тут ни родных, ни друзей. Чулан расширили. Пол и стены выложили узорами, которые Нитос сам расписал на чертежных листах. Книжник требовал предельной точности. В последнюю очередь распорядился вложить в потолок огромную, в три пуда, стальную сферу – всю обмотанную влажными тряпками и горячую, будто ее наполняли угли. Каменщики тогда заподозрили, что в сфере хранится лигур, но ни его свойств, ни назначения не знали. Когда работа окончилась, Нитос выслал каменщиков из города, запретил приближаться к Авендиллу. Этим только распалил их любопытство.

Дверь в комнату запиралась на замок. Она всегда была на виду. Кроме того, наместник распорядился приставить к ней одного из парадных гвардейцев. Внутри заходил только Нитос и делал это исключительно ночью. Заносил туда землю из Лаэрнора, пробирки с зараженной водой из Гусиного озера, кусочки одежды, волос, ногтей и кожи черноитов, прикованных к Пластине молодости. Все это ему привозила жена, которая каждый месяц спускалась по Старой дороге до отворота к Лаэрнскому тупику, а затем поднималась в здравый городок. Иногда Нитос ездил с ней. Лаэрнор тогда еще не выродился – впускал и выпускал любых приезжих, среди которых в основном были крестьяне, поставлявшие провизию прикованным к озеру черноитам, всевозможные артисты, нанятые их развлекать, и родственники черноитов – те из них, кто не боялся распространения заразы.

О том, что жена Нитоса ездит в Лаэрнор, никто не знал, и уж конечно никто не догадывался, что она привозит с собой вещи лигуритов, иначе в Авендилле началась бы паника. Тут бы даже комендант переборол страх перед книжником и донес бы о происходящем эльгинцам. Так что занятия Нитоса оставались тайной. Поверенных, кроме жены, у него не было.

Долго так продолжаться не могло. Первым не сдержался наместник Авендилла. Отыскал каменщиков, работавших над комнатой. Допросил их. Уверил себя в том, что Нитос покинул Оридор неспроста – возможно, угодил в опалу и был вынужден искать новое прибежище. Богатства своего рода – старинные сокровища, доставшиеся ему, как книжнику, чьи предки служили ойгуру еще в Мактдобуре, – он, конечно, привез с собой. И спрятал в комнате. Под защитой лигура. В чем именно заключалась защита, что она делала с теми, кто попытается вынести сокровища, наместник не знал. Но чем больше наместник думал о тайнике Нитоса, тем больше убеждался, что там хранятся не простые украшения, а какие-нибудь пустышки или настоящие лигуры, ценность которых исчисляется тысячами золотых – сбежав с ними в Южные Земли, можно надолго обеспечить себя и свою семью.

Наместник предложил каменщикам рискнуть. Сказал, что отзовет стражу. Позволит им выломать замок и пробраться в комнату. «Да, это опасно. Знаю. Но это ваш шанс изменить жизнь. Разрешаю каждому взять по одному предмету – любому, какой только попадется вам под руку». Трое согласились. Остальные отказались, опасаясь, что охранный лигур наведет на них болезнь или вовсе сделает черноитами.

– Отпускать таких каменщиков было опасно. Думаю, наместник наградил их бесплатным жильем. Где-нибудь за стенами города. В земле. – Сказав это, Гийюд даже не улыбнулся.

Проникнуть в комнату было непросто. Пришлось выждать пару месяцев, прежде чем Нитос с женой вместе отбыли в Лаэрнор. О том, куда именно они едут, наместник не знал, но его это и не интересовало.

На ночь распустили из ратуши стражников, оставили только внешние патрули. Остались вшестером: три каменщика, наместник и два его сына, один из которых служил комендантом Авендилла.

Каменщики вскрыли замок. Распахнули дверь. И ничего не нашли.

Пустая комната.

Собственно, они там своими руками выложили каждую плиту, каждую панель и понимали, что потайных дверей или скрытых ниш в комнате нет. «Значит, тут есть секрет. А лигур и не защитный вовсе. Просто открывает ход. Знать бы только, как до него добраться».

Каменщики понапрасну обшаривали стены и пол. Уже подумывали вскрыть потолок, чтобы добраться до спрятанной там стальной сферы, когда наместник вспомнил две странные детали из донесений, полученных в свое время от стражи. Раньше он не придавал им значения, а теперь решил, что в таком деле важна каждая мелочь.

Во-первых, Нитос всегда входил в комнату один. Во-вторых, выходил оттуда с погашенным светильником. Если Нитоса сопровождала жена, что случалось редко, она какое-то время оставалась снаружи, перед закрытой дверью, и лишь потом входила в комнату – со своим светильником.

Поразмыслив, наместник приказал каменщикам входить в комнату по очереди. Закрывать за собой дверь. А прежде чем выйти, обязательно задувать свечу.

Наместник оказался прав.

Первый каменщик вернулся из комнаты с тяжелым ожерельем из крупных, как альбиное яйцо, камней горнейского опала, каждый из которых покрывали узоры тончайших золотых нитей.

У наместника не осталось сомнений в том, что за дверью его ждут богатства.

Немедленно отослал сыновей готовиться к отъезду. Был уверен, что опальный книжник не сумеет организовать расследование, да и вообще не будет никого преследовать. В конце концов, доказать ограбление было бы трудно – ни свидетелей, ни стражи.

Тем временем в комнату зашел второй каменщик. Едва ли наместник думал сдержат свое слово, но пока не торопился с решением – боялся, что за дверью все-таки таится ловушка, и ждал, что она наконец сработает.

Второй каменщик вынес тяжелую чашу из карнальского камня с тончайшей резьбой – прослойка камня в резьбе на просвет казалась шелком. Не такой богатый улов, но вполне достойный.

А вот третий каменщик... вынес младенца.

– Младенца? – Горсинг, не сдержавшись, посмотрел в подвижные глаза Гийюда.

– Да, – кивнул Гийюд. – Девочку двух-трех месяцев. В льняных пеленках. Самую обыкновенную девочку.

Проблема была в том, что никто из каменщиков не запомнил, что именно происходило в комнате. Каждый из них пробыл там не меньше получаса. И каждый повторял одно и то же: «Зашел внутрь. Задул свечу. Погрузился в непроглядный мрак. Не знал, что делать. Покрутился на месте и, пожав плечами, вышел назад, в зал». Каменщикам казалось, что они в комнате находились не больше двух-трех минут. И никто не мог вспомнить, как именно добыча оказалась в их руках.

Наместник был уверен, что нелепую забывчивость объясняют защитные свойства лигура. В конце концов, в этом не было ничего страшного. Вот только смущала добыча третьего каменщика. Слишком уж она была странной.

Наместник тогда побоялся заходить внутрь. Отменил поездку сына в Южные Земли. Приказал починить замок – скрыть следы взлома. Решил подождать, понаблюдать за тем, как будут дальше жить побывавшие в комнате каменщики и вынесенная малютка.

К концу недели вернулся Нитос. Он был не один. С ним приехала женщина – вся закутанная в дханту и путевой плащ с глубоким капюшоном. Под капюшоном пряталась матерчатая маска, на манер тех, что носят в Старом Вельнброке. В Авендилле на это не обратили внимания. Такой одеждой в Восточных Землях трудно кого-то удивить. Уехали двое, приехали двое. Никто и не подумал, что жена Нитоса задержалась в Лаэрноре, а женщина, сопровождавшая Нитоса, была черноитом – одной из прикованных к Гусиному озеру рабынь.

– Сомневаюсь, что жители Авендилла обрадовались бы такой гостье. – Гийюд по-прежнему говорил без улыбки. За все это время ни разу не усмехнулся, хоть иногда казалось, что он пытается шутить. – Что бы там ни выяснил Нитос в своей комнате, кажется, он пошел на крайние меры. Черноитов из Лаэрнора не вывозили уже несколько лет.

Книжник торопился. Понимал, что женщина вдали от Пластины молодости долго не протянет, поэтому сразу, не заглядывая к себе домой, отправился в ратушу. Удивленному наместнику донесли, что Нитос впервые отправился в комнату, не дожидаясь ночи. Он в самом деле торопился.

Открыл дверь. Первой пустил женщину. Закрыл за ней. Постоял несколько минут. Затем вошел сам.

– Хотел бы я знать, что именно там произошло. Думаю, это помогло бы нам поймать зордалина. Или не помогло бы. – Гийюд с каждым словом говорил все тише, будто против воли возвращался к давно оставленным размышлениям. – Но в тот самый день, когда Нитос зашел с черноитом в свою тайную комнату, случился исход. В Авендилле произошло нечто страшное – то, что заставило его жителей в панике бежать из города. Всех до одного. К вечеру улицы опустели и такими остаются вот уже двенадцать лет.

А через месяц выродился Лаэрнор. Связь между двумя городами так никто и не доказал. Тогда в Лаэрнорском лесу пропал отряд кромешников – дело небывалое. Уж кто-кто, а они знают, как противостоять всей этой... – Гийюд замолчал, подбирая слово.

– Мерзости, – подсказал Горсинг.

Так Эрза называла все, связанное с вырождением.

– Именно. Мерзости.

– Откуда ты все это знаешь? Про Нитоса, про комнату, про лигур в потолке. Если книжник был таким скрытным...

– Каменщик. Тот самый, кто вынес девочку. Он оставил ее себе. Побоялся возвращаться в родной город, где пришлось бы объяснять появление младенца, и поселился в Икрандиле. Ведь самое странное тут, что девочка была на него похожа – так, будто была его родной дочерью. И все бы хорошо, но каменщик со временем женился. Рассказал жене правду. Та рассказала кому-то еще. Пошли слухи, которыми заинтересовалась стража, затем комендант, наконец кромешники. После того как в городе побывали эльгинцы, ни каменщика, ни его жены, ни его приемной дочери больше никто не видел.

– Значит, магульдинцы довольствовались слухами?

– Не только. В Икрандиле много ушей. И они умеют хорошо слушать. – Гийюд чуть улыбнулся. Впервые за весь разговор. Помолчав, добавил: – Если Авендилл действительно закрылся, если... мы так и не поймаем зордалина, останется один путь.

Горсинг не стал уточнять. Молча ждал, когда Гийюд сам продолжит:

– Мы пойдем в ратушу. Доберемся до комнаты Нитоса. Вскроем ее и будем искать ответы там.

– Это самоубийство, я уже говорил...

– Знаю. Но я повторю, если ты не расслышал. Мы пойдем туда, если все другие варианты будут исчерпаны. Крайняя мера.

Горсинг молча кивнул, но знал, что к ратуше больше не подойдет. Видел, как в ней погибли три его человека. Видел, что там с ними случилось. Сейчас, глядя на привязанного к колонне Аюна, решил, что последует совету Вельта – будет искать брешь, надеяться, что не все пути из Авендилла перекрыты. В конце концов, нужно лишь добраться до Песчанки – речушки, впадающей в Маригтуй. Она протекает совсем недалеко от города. Раз уж вода усиливает действие лигуров, да и вообще оказывает на них необычное воздействие, то вполне может и укрыть людей от зордалина. Не то чтобы в этом была какая-то особая логика, но Горсинг решил, что скорее утопит всех своих людей, чем пустит их в ратушу.

Аюн теперь не шевелился. Не стонал, не пытался бить себя по ноге. «Значит, стригач вернулся к Гийюду». Горсинг с печалью смотрел на бегунка, а потом обратил внимание, что его спина как-то уж чересчур согнулась. Аюн весь поник. Склонился так, что почти доставал лбом своих коленей. Руки безвольно распластались по земле. Чем больше Горсинг всматривался в бегунка, тем больше убеждался в неестественности его положения. Кажется, Вельт и Гийюд думали о том же. Они не сводили глаз с Аюна.

Он, конечно, был худеньким парнем, и месяц в Авендилле не прибавил ему стати, но лежать вот так, будто... Горсинг не мог подобрать сравнение, а потом вдруг понял: из бегунка будто вырвали скелет. Вялая плоть, лишенная костей.

– Колонна, – прошептал Сит, отложивший свою марионетку.

– Что?

– Она изменилась.

– Где? О чем ты...

Горсинг вздрогнул. Увидел, что колонна потемнела. Так темнеет промокшая ткань.

– Готовь! – неожиданно крикнул Гийюд.

Приказ разлетелся по Дикой яме. На этот раз в ответ не было никакого эха. На Белую площадь опустилась тишина – бледная, холодная, такая же неестественная, как и поза Аюна, который окончательно обмяк, будто и не человек вовсе, а чучело, сшитое из кусков мяса и кожи.

Горсинг хотел вскочить, но что-то отбросило его назад. Задохнулся, почувствовав боль в плечах. Не сразу понял, что случилось. А потом увидел, что его руки, намертво вцепившиеся в деревянную кромку скамьи, не слушаются – отказываются разжимать пальцы.

– Гиль, Войцер – слева давай! Ком, Нарт – справа! – командовал Гийюд, стоявший у заграждения нижнего ряда. Его голос, лишенный эха, быстро угасал. – Арбалеты, готовь!

Горсинг в немой растерянности поворачивал голову, смотрел то на одну, то на другую руку. Не понимал, что делать. Опустился на колени. Не помогло. Опять привстал и вновь дернул. Скрипнула доска, но руки остались на месте.

– Сеть! – Голос Гийюда сорвался.

Горсинг увидел, как арбалетчики выпустили обе сети. Заметил, что Аюн теперь поднялся. Его голова безвольно свисала. Ноги изогнулись глубокими дугами. Руки, выгнутые в локтях, поднимались вверх, будто кто-то тянул за привязанные к ним невидимые нити. Колонна окончательно потемнела, а с ней потемнела и смотровая чаша – на Белой площади расцвел громадный черный цветок. Облупившиеся стенки чаши и колонны стали гладкими, заблестели на солнце.

Сит и Вельт уже бежали вниз, вслед за вырвавшимися из загонов магульдинцами.

Горсинг в озлоблении застонал. С ногами забрался на скамейку и, упираясь в нее подошвами гронд, стал надрывно, с придыханием дергать – хотел если не оторвать руки, то выломать подгнившую деревянную кромку.

Сидевшая неподалеку девочка отвлеклась от парунка, никак не желавшего покидать клетку, и с удивлением поглядывала то на суету внизу, на дне ямы, то на обезумевшего Горсинга.

– Поджигай, ну же! Давай! Быстрее! – надрывался Гийюд.

Со дна неслись неразборчивые крики.

Горсинг не видел, что именно там происходит. Перед глазами вспыхнуло, когда он наконец правой рукой выломал кусок дерева. Горсинга отбросило вбок. Падая, он почувствовал, как на изломе дернулась левая рука – она по-прежнему держалась за скамью.

В яме все произошло слишком быстро.

В какой-то момент голоса и звуки стихли. Можно было подумать, что Белая площадь опустилась под воду. Воздух стал тугим, осязаемым, будто и не воздух, а вааличий пух. Дви-

жения замедлились. Грудь сдавило холодным прикосновением – трудно дышать, невозможно крикнуть. И только парунок передвигался по жердочке с неизменной резвостью.

«Что происходит?»

Глухой хлопок – и все успокоилось. Онемение прошло. Левая рука легко отпустила кромку скамьи, а правая выпустила деревянный обломок.

Горсинг наскоро ощупал локоть. Понял, что перелома нет, и сразу бросился по ступеням к нижнему ряду.

Подбежал к Гийюду. Увидел, что колонна и смотровая чаша вернули свой изначальный серый цвет, вновь были старыми, облупленными. Веревка, тройным хватом державшая Аюна, лежала на земле. Один конец по-прежнему тянулся к стальному кольцу колонны. Другой конец пустовал. Узлы не тронуты. По сторонам веревки – тканая поддевка, в которую был одет Аюн. Сам бегунок пропал.

Неподалеку лежали копье, гронды с мягкой многослойной подошвой и кожаные нилеты с нашивками из кольчуги и стальных пластин. Значит, одного магульдинца забрал зордалин. Остальные держались возле кругового ограждения. Безучастно смотрели на колонну. Они уже поняли, что идея с живцом оказалась неудачной. Поняли, что теперь им не поймать Пожирателя.

На высоте двух саженей на колонне висели обе сети. Они запутались в креплениях, к которым прежде цепляли оружие для бойцов. Пропитанные огневой солью и подожженные брошенными факелами, они горели густым сизым пламенем. По колонне к смотровой чаше вытягивались черные языки копоти.

– Легкой ковки, – прошептал Горсинг.

Аюн погиб напрасно. Они ничего не добились.

В лагерь возвращались понуро. Даже магульдинцы почти не переговаривались. Вспоминать засаду никто не хотел. Горсинг и не пытался выяснить у Вельта, что именно ему удалось увидеть там, в Дикой яме. Сейчас это было не так важно.

– Что дальше? – спросил Вельт, когда их отряд отстал от красных почти на полквартала.

– Дальше мы сами по себе, – процедил Горсинг.

– Уверен? – осторожно вмешался Сит.

Свою марионетку он бросил на Белой площади. В последние дни Аюн был главным и самым веселым из его зрителей.

– Хочешь стать следующим живцом? – тихо, со злостью спросил Горсинг.

– Думаешь, они опять будут делать эту ерунду? С западней и остальным? Ну и ловушки, там, сетки...

– Нас это не интересует.

– Просто уйдем? – спросил Вельт.

– Дождемся удобного момента. Сегодня отдыхаем. Завтра. Может, послезавтра. Предупреди Тарха.

Тарха предупредить не успели.

Уходя к Дикой яме, Горсинг оставил его в дозоре на Мыторной улице. Объяснил, как действовать и что сказать, если вдруг Эрза приведет подмогу. Там, на Мыторной, его и нашли. Мертвого. Кто-то сбоку пробил ему горло.

– Следов не прятали. – Вечером Вельт отчитывался перед Горсингом, старался говорить как можно тише. – Думаю, человек пять, может, больше. Ударили справа. Значит, левша. Рана грубая. Слишком сильный и неточный удар – почти под челюсть. Значит, Тарх пытался уйти. Не смог.

Горсинг задумчиво поглаживал все еще болевший локоть. Провалиться под землю, угодить в одну из красных ловушек, погибнуть под рухнувшей стеной, столкнуться с ниадами,

наконец, просто исчезнуть – все это не вызвало бы удивления. Но получить удар в шею, истечь кровью в окружении незаметных следов – здесь, в Авендилле, было странно.

– С него сняли тахом.

– Что?!

– Да. Кто-то срезал родовую сигву. И сделал это аккуратно.

Горсинг хотел сказать, что сам пойдет осмотреть тело, когда Вельт протянул ему лоскут грязной ткани.

– Что это?

– Записка.

– Кому?

– Тебе.

– Кому... Что это значит?

– Эта записка для тебя. Сам посмотри, там написано. Лежала под ногой Тарха.

Глава 2

Авендилл

Для получения лицевой сивгы необходимо подтвердить принадлежность к одному из отмеченных родов. Как правило, лицевая сивга наносится в день кухтиара, который таковую принадлежность и подтверждает. Узор лицевой сивгы зависит от основателя рода, его истории и архивной отметки в списках, которых после преобразований Вольмара Адельвита стало три:

1. Хриалитовые списки, корнями уходящие в годы, предшествовавшие Великому переселению из Земель Ворватоиля.

2. Приобщенные списки, корнями уходящие в годы освоения Земель Эрхегорда (1 в. до к. э.-1 в. от к. э.).

3. Луаварские списки, в которые по личному дозволению ойгура может быть включен любой доказавший свою значимость новый род.

Создание Луаварских списков стало частью Адельвитского соглашения, подписанного в 245 г. от к. э. и ознаменовавшего окончание Темной эпохи.

«Пособие для занятий по истории в младших училищах». Подготовлено Наместным старшим училищем Вер-Гориндора

Сегодня я проснулся раньше всех. Меня разбудил раскалившийся браслет. Правая рука пульсировала. Следовало бы привыкнуть к этой боли, но всякий раз она заставляла меня врасплох.

Я дрожал. Мне было страшно.

Не хотел никого будить. Тихо поднялся с расстеленной на полу мешковины.

Ночевать мы устроились в южной части Авендилла, недалеко от скотной кромки, – выбрали один из полуразрушенных, вычищенных домов, в которых не осталось ни мебели, ни окон.

Солнце едва осветило небо, но этого было достаточно, чтобы, подойдя к пролому в стене, разглядеть руку.

С тех пор как Старая дорога завела нас в Лаэрнорский лес, рука изменилась. Верхние фаланги пальцев стали коричневыми, будто их разукрасили болотной хной перед праздником Наур'тдайских свечей, как это делали дети в моем родном княжестве. Ногти побелели, выросли непривычно грубыми, толстыми. Вчера я пробовал их подрезать и обнаружил, что внутри они теперь пористые, неоднородные. Суставы потемнели и припухли. Кожа вокруг вросшего браслета покрылась темно-бордовой коркой – гибкой и плотной, будто линель.

Я опасался, что с рукой опять что-то случилось, однако новых изменений не обнаружил.

Браслет постепенно остывал.

– Кошмары?

Не надо было оборачиваться, чтобы понять, кто именно задал этот вопрос. Тенуин. Он лежал в дальнем углу, полностью закрытый бурнусом. Когда я шел к стене, следопыт даже не пошевелился.

– Да, кошмары. Но я в порядке. После Лаэрнора и Азгалики кошмары не очень-то пугают.

– Хорошо, если так.

На самом деле я догадывался, что ночью видел не сны, а воспоминания – чужие и мне до конца не понятные. Передо мной лежала щедрая россыпь фактов, но я не знал, каким из них можно доверять. Существовал ли на самом деле Гийюд? Правда ли то, что он рассказывал об Авендилле? Когда это произошло? Где теперь Горсинг? И почему в центре моего видения был именно муж Эрзы?

Она редко упоминала его имя. По словам Миалинты, Эрза любила мужа и была благодарна ему за то, что он помог ей устроиться в Целинде, и все же надеялась, что Горсинг погиб в Авендилле – хотела сама возглавить оставленных им наемников, а со временем уехать подальше из Земель Эрхегорда.

– Хангол, – сонно пробурчал Громбакх. – Ты там чего?

– Надо выдвигаться. Путь неблизкий. – Я выглянул на улицу.

– На самом деле идти тут недолго, – отозвался Теор.

Наши голоса разбудили остальных. Потягиваясь, встал Феонил. Следом оживилась Эрза. Вскоре с крыши спустились стоявшие в дозоре Нордис и Миалинта.

Второй день в Авендилле.

Второй из пяти, отмеренных нам Азгаликой. Мы прошли испытания Лаэрнорского леса, столкнулись со стаей маргул, оказались в выродившемся городе, увидели смерть Пилнгара, встретили личин, а затем погрузились под черную пелену Гусиного озера, и тогда решение выпить яд не казалось мне таким уж безумным. Нам не оставили другого выбора. Теперь же сознание упрямо твердило, что я был неправ, что мог найти другую, куда более надежный путь к спасению.

Азгалика заставила нас выпить яд. Это было ее условие. Затем она выпустила нас из Лаэрнора: *«У вас будет пять дней совершить задуманное»*. Пять дней – на то, чтобы остановить Пожирателя, освободить Авендилл и Лаэрнор. И ни слова о том, что именно от нас требуется. Старуха лишь сказала, что наши желания совпадают: *«Действие нам нужно одно»*. Но ведь мы отправились в Авендилл на поиски Илиуса! Никто не мог и представить, как именно младший брат Теора связан с зордалином и с тем, что здесь происходит. В конце концов мы решили, что прямой связи нет – Азгалика ждала, что следы, оставленные Илиусом, приведут нас в нужное место. Надо полагать, в место его смерти. И возможно, нашей.

– Ты веришь в противоядие? – спросил я Миалинту, едва мы вышли из укрытия на улицу.

– Не знаю. Не думала об этом. Не успела... Все произошло слишком быстро.

– Да уж.

– Но звучит правдоподобно. Я слышала о чем-то подобном. Говорят, наместник Оридора травит своих телохранителей.

– Травит?

– Да. Когда они поступают к нему на службу, дает им яд. Выпил – и дороги назад уже нет. Потом он каждый месяц выдает им по щепотке противоядия – этого достаточно, чтобы жить нормальной жизнью. Но недостаточно, чтобы излечиться.

– У книжников всегда так весело?

– Это не все. Яд принимают и родственники телохранителей – те из них, кто хочет жить в Оридоре. Их заселяют в отдельный квартал. Они всем обеспечены, живут в достатке, о котором многие только мечтают.

– Но каждый месяц пьют противоядие?

– Или не пьют, если наместник усомнился в преданности телохранителя.

О ночном сне я не рассказывал даже Миалинте. Не хотел никого отвлекать от главной задачи – найти Илиуса.

По словам Теора, его младший брат сбежал в Авендилл, поверив тому, что здесь можно обрести какую-то особую силу. *«Тот еще фантазер. Наслушался всяких суеверий»*. Это случилось два месяца назад. С тех пор он не давал о себе знать.

– Горсинг нашел свежие следы в ратуше. Маленькие. Там был ребенок, понимаете? Я уверен, это Илиус, – настаивал Теор. – Он там наверняка жил какое-то время. Но проследить, куда он двинулся дальше, мы не смогли. Я ведь не сказал Горсингу правду, даже не упомянул брата. Боялся, что его люди потом будут мне угрожать, потребуют выкуп за Илиуса или что-нибудь в этом роде. Так что... я думал, что сам отыщу его по следам. От Горсинга требова-

лось только сопроводить меня в Авендилл и защитить от опасности – мы могли столкнуться с крысятниками или рыскарями. Когда я понял свою ошибку, сбежал. Отправился в Багульдин, чтобы нанять настоящего следопыта.

Вчера мы условились идти напрямик к ратуше. Никто не возражал. Ратуша никого не пугала. Я и сам хотел скорее добраться до нее, чтобы найти хоть какие-то зацепки. После ночного видения эта идея уже не казалась мне такой удачной, но я не стал озвучивать свои сомнения. Решил не торопиться. Молчаливо следовал за остальными, вновь и вновь обдумывал все, что услышал и увидел во сне, сопоставлял эти факты с тем, что слышал и видел раньше.

К полудню мы сделали привал на заросшей веранде одного из покинутых домов. Тенуин вместе с Феонилом и Теором ушли вперед по улице.

Следопыт внимательно обследовал дорогу. Отказывался идти куда-либо, предварительно не бросив камешек, как делал это в тумане, за стенами Багульдина, – следил за тем, как он падает, прислушивался к звуку его падения. Искал искажения.

Громбакх сел на две ступни ниже меня. Нахмурившись, осматривал лезвие топора. Эрза и Нордис не захотели к нам присоединиться. Размолвок, подобных той, что случилась в Лаэргноре, между нами не было, но держались мы всегда в стороне друг от друга. Об их изначальном плане убить нас на Старой дороге никто не забыл.

Азгалика отправила с нами Шанни – девушку, или, как ее назвал Пилнгар, личину. Худая, вся будто иссушенная, с бледным лицом и короткими белыми волосами, Шанни, как и мы, приняла яд. Именно ей Азгалика доверила травы противоядия.

«Если каждый день съедать противоядие, вы даже не почувствуете, что отравлены. А в конце, когда вы исполните начертанное, каждый выпьет целую чашу. Шанни убедится, что начертанное стало явью, что корень обрублен, и вылечит вас. Но учтите, противоядие – точная смесь, и лишняя щепотка убьет. Не думайте, что сможете обворовать Шанни и сделать все самостоятельно».

Сейчас Шанни неподвижно стояла на дороге. Так и застыла там, когда Тен объявил привал. После того что с ней вчера сделал Нордис, она окончательно отстранилась от нас.

Авендилл был тих, недвижим. Дома из обожженной глины успели обветшать, частично зарастить лишайником и ползучими растениями. В стенах зияли провалы, обнажавшие брошенное, прогнившее нутро помещений.

Широкие, занесенные землей улицы. Здания – невысокие, в один и два этажа – стояли ровно, в них еще можно было жить. Только деревянные крыши обвалились, засыпав комнаты желтой черепицей. Почти все окна были выбиты. В простых домах на рамах висели обрывки желчного пузыря манников. В домах побогаче рамы щерились мутными осколками хрусталина или слюды.

Некоторые здания были полностью выпотрошены. Их содержимое лежало на дороге, будто кто-то старательно выбрасывал все наружу. В одной куче валялись балки, доски, каркасы кроватей, глиняные черепки. В самих домах было пусто, из них выскребли даже мелкий сор.

– Ты раньше слышала про это место? – спросил я Миалинту и языком провел по шершавому налету давно не чищенных зубов.

Щеколка⁴ давно закончилась. Никто и не думал искать ей замену, хватало других проблем. Нам даже не всегда удавалось как следует прополоскать отхожие тряпки.

– Про Авендилл? Да, отец рассказывал.

– Тирхствин?

⁴ Щеколка – травный порошок для чистки зубов. Намочив горсть щеколки, можно скатать ее в глинистую полоску. Такую полоску необходимо разместить во рту и зажать зубами – так, чтобы щеколка покрыла их до десен. Когда щеколка окончательно загустеет, нужно осторожно разжать челюсти, выплюнуть щеколку и прополоскать рот водой.

- Да... Не могу привыкнуть, называю отцом...
- Может, в этом ничего страшного?
- Тирхствин рассказывал об Авендилле.

В городе гнус ни разу не побеспокоил нас, так что Миалинта сидела без капюшона, но цаниобу, несмотря на духоту, не снимала. Никто не снимал. За дни, проведенные в Лаэрнорском лесу, мы слишком привыкли к ней, со всеми ее сеточными складками на плотной куртке и втачных штанах, со всеми кармашками для защитных трав.

Еще в Целинде Миа предложила мне бросить всех и отправиться напрямик в Оридор, город книжников. Там она рассчитывала узнать о судьбе своего брата-черноита. Там же, по ее словам, мне бы помогли избавиться от браслета или, по меньшей мере, объяснили его назначение. Думаю, Миалинта уже не раз пожалела о том, что не отправилась в Оридор одна и согласилась ехать с нами по Старой дороге. Я и сам жалел, что втянул ее в эту историю.

– Тирхствин рассказывал, что прежде Авендилл был тихим городком. Люди работали на ржаных полях, выращивали хмель, пасли манников. Раз в год в Авендилле проходила трудовая ярмарка, где жители больших городов могли подыскать себе служанок, поварих, ткачих... Наниматься на ярмарку приходили со всех ближайших сел. Тут вроде и какой-то свой лигур был. Точно не помню. Спокойная, ничем не примечательная жизнь. Потом здесь построили Дикую яму. Бессмысленное, кровавое развлечение. Но даже после этого Авендилл оставался в общем-то захолустным, ничем не примечательным.

Я старался не смотреть на Миалинту. Испугался, что она заметит мое беспокойство при упоминании Дикой ямы. Перед глазами промелькнули отрывки ночного видения.

– А двенадцать лет назад жители покинули Авендилл. Что заставило их бросить дома и пастбища, никто не знал. Исход начался утром. Они оставили хозяйство, скот и кто в телегах, кто на конях поторопились уйти дальше от города. Авендилл опустел в один день. Двери домов были распахнуты, на столах остывала еда, манники сгрудились возле ворот, ждали, что их выведут в поле. Занавески дрожали от ветра в раскрытых окнах. Кровати были не застелены. Кто-то оставил на столе амбарную тетрадь с недописанными строками, кто-то бросил нож и недорезанные листья черемши. У кого-то выкипал бульон. Кастрюля грохотала, брызги шипели на раскаленной печи. И так – по всему Авендиллу. Что-то одновременно напугало его жителей. До того напугало, что они без сборов и обсуждений побежали прочь, за крепостную стену. Остались лишь те, кто не мог уйти самостоятельно.

– Что стало с теми, кто остался? – прошептал я.

Не хотелось говорить в голос. Будто Авендилл сам по себе требовал тишины.

– Не знаю... Надеюсь, их смерть была быстрой.

Я посмотрел на пустую улицу. Пытаясь представить, как двенадцать лет назад тут в панике бежали сотни людей.

– Помню, в те годы говорили, что авендилыцы молча выходили на Кумаранский тракт, – отозвался Громбакх, – а в глазах у них был такой страх, что проезжие лошади вставали на дыбы.

– И никто не пытался понять, что тут произошло? – Я посмотрел на Миалинту. Бесцветные, погасшие радужки.

– Ну почему... – Миа пожала плечами. – Приезжали кромешники. Все обшарили. Вроде как ничего не нашли. Сказали, что город безопасен. Угрозы нет.

– Но люди все-таки сбежали. И не вернулись. – Мне хотелось бы рассказать Мие историю Нитоса с его тайной комнатой, но я сдерживал себя. Понимал, что придется слишком многое объяснять.

– Эльгинцы допрашивали беженцев. Ничего от них не добились. Большинство заявили, что увидели панику на улице, испугались, а когда начался исход, пошли за остальными. Получалось, что саму угрозу никто и не видел.

– Может, ее и не было, – усмехнулся Громбакх. – Этой угрозы.

– Может, и так, – согласилась Миа.

– И никто не пытался заново заселить Авендилл? – Я встал, увидев, что по дороге возвращается Теор.

– Пытались. – Миа тоже поднялась. – Нищие, бродяги, кочевники совались сюда, но без толку. Уходили. Да и как тут заселиться, если все дома подписаны на еще живых людей? Поговаривали, через пять лет после исхода можно было снять эту подпись через Правосудный двор, но... никто этим не занимался. А потом город наводнили рыскари. Думали здесь чем-нибудь поживиться.

– Поживились?

– Не знаю. Но сомневаюсь, что в последние годы сюда вообще кто-нибудь заглядывал.

– Перекресток близко! – радостно заявил подошедший Теор. – Осталось недолго. Скоро будет виден шпиль ратуши.

– Ты еще погромче крикни! – Гром нехотя встал. – Пусть весь город слышит.

– Тут никого нет, – улыбнулся Теор. – Если только рыскари. Но они побоятся нападать на большой отряд.

– Вот и ты побойсь. Целее будешь.

– Где Тен? – спросил я.

– Наши следопыты пошли дальше. Хотят осмотреть подступы к перекрестку.

– А ты?

– А я устал ходить так медленно. – Теор присел на ступень рядом с Громом, по-паучьи широко расставил тонкие ноги, небрежным жестом заправил волосы за уши и вздохнул. – К тому же на пустой желудок. Хозяйка, конечно, добрая, ядом накормила. Но могла бы и лепешек подкинуть. Было бы неплохо.

– А лучше мяса. И пару бурдюков хмеля, – мечтательно согласился Гром.

– Наша новая подружка так и стоит? – Теор посмотрел на Шанни.

– Как видишь.

– Молчит?

– Как слышишь.

– Да...

Предполуденное солнце припекало. В последний день гумника лето решило напомнить о своих правах. Под небом, выбеленным тонкими облаками, гудел настоящий зной. Ничто не предвещало даже скромного дождя. Да и ветер едва заглядывал в город. В цаниобе было жарко. Хуже всего пришлось Грому в порпуне из стеганой кожи с толстой подстежкой. Изо дня в день ночуя под землей, прокатившись по метке бихчахта, искупавшись в колодце с затхлой водой, охотник, как и все мы, должен был источать зловоние, однако я почти ничего не улавливал. Вчера это удивляло. Теперь же я вспомнил ночной сон и понял, что так сказывается влияние Авендилла. В городе везде пахло одинаково: на улице и в домах, от стен и людей. *«Та к пахнет в комнате, которую не проветривали пару недель. Сухая пыль, стоялый воздух».*

– Не нравится мне, что она так стоит, – проворчал Гром, глядя на Шанни.

– А что? – удивился Теор.

– Видать ее за версту. Мало ли кто тут.

– Если здесь кто-то есть, то люди моего мужа, – напомнила Эрза.

Она прошла по ступеням мимо нас. Положила лук и колчан на дощатый пол заросшей веранды. Помедлив, заглянула в проем пустующего дома.

– Не ходи. – Нордис присел на нижнюю ступень.

Гирвиндионцу с его огромным ростом, низким широким лбом и густыми, сросшимися над переносицей бровями, не нужно было хмуриться, чтобы выглядеть грозным. Знавший Эрзу больше десяти лет, а теперь и защищавший ее по долгу крови, Нордис всегда следил за ней – здесь, в Авендилле, его забота усилилась вдвойне.

– Не собираюсь. – Эрза отмахнулась. – Хватило вчерашнего.

– Если она там и дальше будет выставляться, ее заметят, – опять проворчал Гром.

О том, что в Авендилле кто-то есть, мы заподозрили еще вчера, когда только вошли в городские ворота. Шагали осторожно, не зная, откуда ждать опасность, – продвигались еще медленнее, чем сейчас, на пути к ратуше. Громбакху и Тенуину не нравилось, что улицы выглядят безопасными.

Покосившиеся балконы с выломанными балюстрадами. Разрушенные торговые лавки. Горелые останцы парадных. Проломы в домах – такие, будто их штурмовали газырями. Миалинта говорила, что жители оставили город в один день и больше сюда не возвращались, но все выглядело так, будто здесь шли бои. Не мог Авендилл даже за двенадцать лет настолько развалиться сам по себе.

Единственным украшением города были скульптуры, если только можно назвать украшением этих уродцев, слепленных из чешуек серого камня – каждая размером с ноготь большого пальца, шершавая и на удивление крепко пахнущая гарью. Их здесь установили уже после исхода горожан, будто кто-то хотел отпугнуть любого, кто задумает попасть в Авендилл. Так заботливый пахарь выставляет над своим полем безобразное соломенное чучело.

Я вчера насчитал больше десятка таких скульптур. Выполненные в человеческий рост, они беспорядочно стояли возле домов, в переулках. Все одинаковые, выполненные в одной манере. С грубыми лицами, громоздкими руками. И облаченные в рванину – настоящую одежду, будто снятую с пленников или нищих.

Поначалу Громбакх порывался отбить какой-нибудь статуе голову, заявляя, что они его нервируют, но следопыт отговорил его от этой затеи. Эрза посмеивалась над Громом, а потом ей, кажется, самой стало не по себе от присутствия этих уродливых изваяний.

Тенуин останавливался, склонялся к брусчатке, трогал ее кончиками пальцев. Приподнимал глиняные осколки. Принюхивался к наметенному сору. Всмотривался в заросли кустов на обочине. Феонил, юный следопыт Эрзы, внимательно следил за каждым движением Тенуина. Остальным приходилось в напряжении ждать за их спинами.

Вскоре путь преградила глубокая воронка. Она обрывала улицу – от одного тротуара к другому. Ровные земляные стенки постепенно сужались, а на глубине в пять саженей оканчивались рыхлой насыпью.

– Что это? – спросил я охотника.

Громбакх, присев, коснулся пальцем внешних бороздок, потом ковырнул землю с внутренней стороны и промолвил:

– Свежая.

Других пояснений я не дождался.

Мы обошли яму. Я взглянул на ее дно, и на мгновение мне показалось, что рыхлая земля там чуть приподнялась и тут же опустилась – так приподнимается грудь человека, когда он глубоко вздыхает. Я ненадолго задержался, но повторного движения не дождался.

А потом Тенуин сказал, что по всей дороге – свежие следы. Много следов. И все разные. В основном – самые обыкновенные. Такие мог оставить кто угодно. Рыскари, наемники, кочевники. Разные подошвы с разными рисунками. И без рисунков.

– Мягкая пятка. Многослойная подошва без усиления. Гладкая.

Я настороженно посмотрел на Громбакха. Кажется, охотник догадался, о ком может идти речь, но не подал виду. Молчал и настороженно осматривался.

Тенуин, уже встречавший такие отпечатки в Целинде, возле дома Эрзы, сказал мне, что они могут принадлежать магульдинцам, и попросил ничего не говорить Грому. Ему в самом деле лучше было этого не знать. Охотник двадцать лет преследовал красных по всем границам Ничейных земель – с юности, так и не получив кухтиар, мстил им за жестокое убийство родителей и сестры. Дойдя до крайности, залив себя кровью, но так и не почувствовав удовле-

творения, Гром однажды поклялся, что больше не будет убивать людей. Сдержать эту клятву и раньше было непросто, а уж как поведет себя охотник, вновь встретившись с красными, не хотелось и думать.

– Еще тяжелые отпечатки, – продолжал Тенуин, глядя на дорогу через бикуляры капюшона. – Вот, смотри. Слишком тяжелые. Даже гвардеец в полной кирасе такие не оставляет.

– Чьи это следы? – спросила Миалинта.

– Не знаю. Кого-то тяжелого. И босого.

– Босого?

– Или в обуви с обманной подошвой. По этим отпечаткам сложно сказать.

Чем глубже мы забирались в Авендилл, тем более отчетливыми становились следы. Они хорошо отпечатались на запыленной брусчатке, на комьях грязи.

Когда в доме, возле которого мы проходили, скрипнула дверь, все остановились. Громоздкое трехэтажное здание, почти не тронутое. Двери и ставни оказались целы. Это было первое из встретившихся нам уцелевших зданий. Привлеченные его видом, мы задержались. С подозрением осматривали растрескавшийся, но цельный фасад, потемневшую лепнину и заросшие алыми нартисами балконы – некогда они, ухоженные, красивые, ютились в горшках и земляных сикорах, а теперь разрослись невзрачным грубым сорняком.

– Слышали? – прошептал Феонил.

Эрза и Громбакх одновременно шикнули на него.

Все были напуганы. Все, кроме Шанни, замыкавшей отряд. Ее безмятежное, пустое лицо по-прежнему не выражало ни страха, ни сомнений. Повязка, с которой она ходила в Лаэرنоре, осталась возле колодца. Серые глаза без ресниц. Светло-серые, почти незаметные брови. Шанни ничем не выдавала беспокойство даже в те мгновения, когда рядом с ней оказывался Нордис, будто позабыла все, что случилось тем утром, за воротами Авендилла. Любой другой девушке было бы трудно забыть подобное...

– Опять! – Феонил выхватил из ножен стилет.

В доме кто-то ходил, изредка выдавая свое присутствие скрипом.

– Да тихо ты! – Гром дернул юного следопыта за плечо.

– Может, твой брат? – Миалинта посмотрела на Теора.

Теор отреагировал странно. Вместо вполне ожидаемого воодушевления выказал лишь недовольство, словно не обрадовался ни этим скрипам, ни тому, что мы из-за них задержались на дороге. Еще один прозрачный фрагмент на общем полотне фактов. Рядом с тем фактом, что подаренного Громом деревянного минутана Теор оставил в наэтке – там, на Старой дороге. Даже не подумал взять его с собой, а ведь эта игрушка, поставленная на ночь у подушки, вызывала у детей яркие, радостные сновидения. Минутан пригодился бы при встрече с Илиусом – помог бы ему успокоиться после двух месяцев постоянного страха. Когда я сказал это Теору, он лишь отмахнулся – заявил, что не верит в наводящие сон травы, что его брат справится и без них.

Когда скрип в доме повторился, Тенуин первый рванул на веранду:

– Ждите здесь.

– Ну конечно... – буркнул Гром и последовал за ним.

Помедлив, на веранду пошли остальные. На улице задержались Феонил и Шанни. Эрза сама приказала юному следопыту стеречь девушку, чему он, кажется, только обрадовался. Шанни к происходившему не проявила ни малейшего интереса.

Один за другим мы вошли в парадный зал.

Скупые вензеля на дверных щитах указывали, что дом некогда принадлежал богатой, но неродовитой семье.

Тишина. Сумрачно.

Широкая лестница на второй этаж с накренившимися перилами. Земля под ногами на дощатом полу. Потемневшие комоды, шкафы, стулья. Высокая, обмотанная мягкой паутиной люстра с желобом для масла и ольтанской соли.

Посмотрев на трюмо, я вздрогнул. По телу прошла испарина страха. Всего лишь отражение... Обыкновенное пекельное зеркало⁵. Оно сохранилось в целости – я не заметил ни трещин, ни сколов, – но отражение в нем искажалось. В зеркале я был весь скрюченный, залитый бесформенными тенями, будто разводами прикипевшей крови. Сделал шаг. Отражение изменилось, но осталось таким же странным. Моя голова чуть наклонилась, шея неестественно изогнулась, вытянулась.

Посмотрел в зеркало на Громбакха. Он тоже был искажен – перекручен, смят после долгих пыток. В трюмо все отражались такими. Теор – с изломанными руками и ногами, едва удерживавший равновесие на полу. Миалинта – в разодранной одежде, с оскаленным ртом. Эрза, Нордис, Тенуин были давно мертвы и двигались так, словно кто-то удерживал их за прилипающие к искаленным телам веревки.

– Ты видишь? – Я показал Грому на трюмо.

– Что?

– Отражение.

– Никак не налюбишься, какой ты красивый? Может, оставить наедине? Познакомишься с собой поближе, обнимешь себя, приласкаешь.

Охотнику здесь было не по себе. Но искаженного отражения он явно не замечал.

– Что ты видишь? – шепнул я Миалинте.

Она с непониманием заглянула в зеркало. Не вздрогнула, не поморщилась. Значит, тоже ничего странного не заметила. Пожала плечами. Не стала отвечать.

Опять скрипнула дверь. Наверху!

Тенуин бросился на лестницу. Снизу от ступеней посыпалась пыль. Мы с Громом и Мией ринулись за ним. Эрза, Нордис и Теор остались внизу. Теор вновь не проявил интереса к звукам. Отчего-то считал, что здесь его брата нет.

На втором этаже было совсем темно. Свет едва просачивался сквозь щели в затворенных ставнях.

Коридор. Комнаты с приоткрытыми дверьми. Несколько дверей осели на проржавевших петлях. В междверных нишах – едва различимые картины с изображением леса и цветов.

Кровать с перевернутым и отсыревшим соломенным матрасом, столы, заваленные посудой и кусками обвалившейся штукатурки. Густая паутина по углам.

Никого.

Тенуин склонился к полу, трогал его кончиками пальцев. Ощупывал стены. Внимательно смотрел на них через бикуляры.

– Что? – прошептал Громбакх, нервно перекручивая в руках топор.

– Ничего.

– Что ничего?

– Тут много лет никто не ходил. Нет следов.

Миалинта провела пальцем по тумбе и показала нам черное пятно на перчатке:

– Здесь все выжгли. Только ничего не сгорело.

– Пойдем отсюда, – прошептал Гром.

Опять скрипнуло. В соседней комнате.

⁵ В 268 г. от к. э. в пещерах Пекель-Хана (Западные Земли, берег реки Хана) стали изготавливать дешевые пекельные зеркала с использованием легкого стекла и кальситного напыления. Главный недостаток – зернистая поверхность, частично искажающая отражение, однако низкая цена, прочность и долговечность обеспечили распространение пекельных зеркал не только по Землям Эрхегорда, но также и по другим землям бывшего Кольца.

Следопыт резко повернулся на месте. Толкнул дверь. Она не поддавалась, только взвизгнула старыми петлями. Тогда Гром выбил ее плечом. Грохот упавшей на пол двери разорвал тишину дома. Теперь не было смысла таиться. Вбежали в комнату.

Никого.

И вновь – никаких следов. Долгие годы сюда никто не заглядывал.

– Эй! – донеслось с первого этажа. – Что там?

– Ищем твоего брата, представляешь?! – огрызнулся охотник и уже тише добавил: – Не нравится мне это.

Подошел к ставням. Выломал их в два удара топором.

– Так-то лучше.

Комнату залил свет. Оживившись, Гром кинул в рот кубик клюта. В последние дни ему приходилось сдерживать себя. Пополнить запасы синюшки было негде.

Оглядевшись, я понял, что мы стоим в небольшом обеденном зале. Прошел вдоль стола. Поднял одну из чашек. Вымазана в чем-то липком. Какая-то слизь с присохшей пылью и хлопьями штукатурки. Приблизился к камину. Заброшен, но пахнет дымом, будто горел недавно, не далее двух-трех дней.

Все зеркала, как и трюмо на первом этаже, отражали нас изуродованными, измученными. Я старался в них не смотреть.

Где-то справа вновь скрипнула половица. На этот раз Тенуин остался на месте. Миалинта с ожиданием посмотрела на него. Позже скрип повторился слева, из другой комнаты. Затем – над нами, на третьем этаже: протяжный, тонкий, оборвавшийся легким металлическим звоном.

– Может, пойдем? – Громбакх расхаживал вдоль стола. – Нет тут никого.

– А скрипы? – спросил я.

– Нет и скрипов.

– Это как?

– А вот так! Благодаря одному умнику нас накачали ядом. И от него, знаешь, у меня второй день в подмышках зудит. Зад чешется и ухо свербит. Понял? И повязка на руке такого цвета, будто ею весь отряд подтирался. Неудивительно, что нам слышится всякое. Подожди, и не такое услышим. Или увидим.

– У меня зад не чешется, – усмехнулся я.

– Ну и гордись этим! Так и напиши на своем гербе и ходи по всем трактирам хвастай.

– Я это к тому, что нужно чаще мыться и менять повязки.

– Ты на что намекаешь? – Громбакх сплюнул густую синюшную слюну и, прищурившись, стал угрожающе ко мне приближаться.

– Постой.

– Что, трухня поджалась? – Охотник игриво крутил топор.

– Да постой ты.

– Как болтать, так язык до пола, а тут портки обмочил?

– Тихо!

Громбакх наконец понял, что я не шучу.

– Прислушайся к своим шагам.

– Ну точно... Зад у него не чешется, зато мозги потекли...

– Слушай! Пройдись еще раз и слушай.

– Сделай, – кивнул Тенуин.

– Начинается... – Охотник поморщился.

Скривившись, начал вышагивать вдоль стола. А потом замер. Понял. Сделал еще несколько шагов, но уже без кривляний, внимательно слушая.

Доски под грондами охотника скрипели как-то странно. С небольшим запозданием. Между его шагом и скрипом половиц был краткий промежуток. К тому же звук получался тихий, почти отдаленный, будто от чьих-то шагов над нами – на третьем этаже. Казалось, там кто-то в точности повторяет движения Громбакха.

Миалинта с подозрением посмотрела на потолок.

– Уходим, – позвал Тенуин.

– Здравая мысль. – Громбакх первым пошел в коридор.

– Что все это значит? – спросила Миа.

– Просто звуки, – неопределенно ответил Тен. – Нас это не касается.

– Как скажешь...

Уходили поспешно, не задерживаясь, не оглядываясь. Хотели скорее покинуть дом, оказаться на улице.

Я шел последним. Подходя к лестнице, взглянул на пролет, ведущий к третьему этажу. Отчего-то захотелось подняться в этот мрак. Ощутить его пыльное прикосновение. Почувствовать, как он обволакивает, прячет от проблем, от суеты, загадок, странностей... Чем больше я вглядывался в царившую на третьем этаже темень, тем глубже дышал. Каждый вдох приносил успокоение. Просто пойти наверх. Один шаг за другим. Одна ступень за другой. Нырнуть в темноту. И ни в коем случае не вскрывать ставни. Замереть неподвижной фигурой. И стоять в отрешении. Просто стоять...

– Эй! – позвала Миалинта.

Я растерянно посмотрел на нее, будто вырванный из дремы.

– Идем!

– Да, да... Иду.

Несмотря на жаркое солнце, вновь оказаться на улице было приятно. Из головы разом испарилась всякая сонливость.

Когда мы вышли на дорогу, из дома вновь донесся скрип; на него уже никто не обратил внимания. Нужно было двигаться дальше. Сейчас, день спустя, сидя на веранде в ожидании следопытов, я вспомнил и тот дом, и те скрипы, заодно вспомнил, что охотник до сих пор не сменил повязку.

– Гром.

– Идут? – Охотник оживился.

– Нет, я о другом. Тебе надо сменить повязку.

– Да, надо, – неожиданно согласился охотник.

Значит, в самом деле, рана, полученная от бихчахта, так до конца и не зажила, тревожила.

– Я помогу. – Миа подтянула заплечный мешок. Достала из него сменную рубашку, которую еще в Лаэрноре начала рвать на тряпки для охотника.

– Долго они там? – Громбакх с радостью расшнуровал цаниобу и порпуну, приспустил их до пояса. Должно было пахнуть горячей прелью немытого тела и защитных трав. Но запахов, несмотря на жару, по-прежнему не было. – А то я... усну скоро, – выдавил он сквозь долгий влажный зев.

– Это от яда, – не сдержавшись, зевнул Теор.

– Ну да. – Сонливость накрывала и меня. – У нас теперь все от яда.

– Осталось чуть больше трех дней, – напомнил Теор.

– Да...

– Откуда у тебя амулет? – Миа дотронулась до нанизанных на шнур клыков и когтей от самых разных животных.

– Племянник сделал, – улыбнулся Гром. – Харат.

– Тот самый, которого ты... спас?

– Ну да. – Улыбка ослабла. – Спас. От себя самого. Я так понимаю, Тен уже всем растрепал эту историю?

– Это было необходимо. В тумане, когда мы шли в Подземелье Искарута... Сам помнишь, что там случилось.

– Ну да, помню. Все равно это не твое дело.

Миа пожала плечами и больше к этой теме не возвращалась.

Эрза спустилась на несколько ступеней. Села рядом со мной. Взглянув на то, как Миа-линта снимает повязку с руки охотника, промолвила:

– Спросите немую. Может, она прихватила лекарства. Хоть ильдейский порошок. А так еще долго будет...

– С тобой не посоветовались, – буркнул охотник.

– Просто предложила...

– Знаем мы твои предложения.

Эрза пожала плечами. Опустила локти на верхнюю ступень. Я невольно взглянул на ее скрытые в перчатках руки. Не мог забыть увиденного в Лаэрноре. Обваренные кисти. Розоватые подтеки давних ожогов с фрагментами разрушенной сигвы. Так отец наказал Эрзу за то, что она осмелилась еще до кухтиара сделать кистевую сигву и к тому же выбрала символ нерлитов. Неоправданная, глупая жестокость. Вполне в духе Зельгарда. Впрочем, он получил свое, и я сейчас вспоминал не его призывы убивать фаитов, а то, как Теор изменил свое отношение к Эрзе – узнав о ее побеге из Багульдина, услышав, с какой ненавистью она вспоминала Зельгарда, Теор отчего-то стал проявлять к ней снисходительность: не высмеивал ее решений, отказывался с ней спорить.

«Отец ее изуродовал. Он до сих пор живет в ее голове и продолжает над ней издеваться. Мы дети своих отцов и всегда ими останемся».

Зажмурившись, Эрза приподняла лицо, полностью открыла его солнцу. Ослабив крепления защитной сетки на цаниобе, выпустила на грудь две тугие, темные косы, каждая – в толщину моего запястья. Несмотря на долгие дни усталости, голода, грязи, Эрза не утратила странной красоты. Казалось, можно сидеть вот так долгие часы: разгадывая искусственность, необычность ее черт, в отрешении ожидая следопытов, задыхаясь в утомительной жаре.

А с Шанни она в самом деле поступила плохо. Вчера утром мы выбрались из колодца и легли отдохнуть от всего, что в последние часы творилось в Лаэрноре. Шанни отошла в сторону. Спряталась за стеной одного из заброшенных домов. Никто и не думал за ней следить – не знал, что она там готовит противоядие. Неспешно обсуждали стремительный переход из ночного котлована в утренний пригород, когда слышали крик – тонкий, захлебывающийся, граничащий с надрывным плачем.

Разом вскочили с земли. Переглянулись и, на ходу обнажая клинки, бросились за дом. Увидели, как Шанни извивается в руках Нордуса. Гирвиндионец одной рукой держал ее за шиворот, а другой крепко сдавливал ей плечо. Зеленая дханта девушки была надорвана, сбита. Ее только что обыскали. Из-под ткани проглядывало худое серое тело. Слишком слабая, чтобы дать отпор. Завязки и внутренний пояс расползлись. И чем настойчивее Шанни вырывалась, тем шире открывалась ее нагота. Казалось, она пытается выскользнуть из дханты. Кричала. Обезумевшим, срывающимся, булькающим криком, будто не владела голосом и просто не знала, как им управлять. При этом ее лицо, чуть покрасневшее от усилий, оставалось на удивление пустым, не выражающим никаких чувств.

– Хватит! – Эрза наотмашь тыльной стороной кисти ударила Шанни по лицу.

Резкий хлопок оборвал ее крик. На губе проступила кровь. Из приоткрытого рта теперь вырывался только стон.

– Отойди. – Миа-линта выставила загнутае лезвие конры.

– Вот! – Эрза торжественно показала пояс с прикрепленными к нему шестью кожаными мешочками. – Вот ее травы. Наше противоядие.

– Тебе не противоядие нужно, – процедил Гром. – Тебе нужны мозги. Хотя бы куриные. Шанни простонала чуть громче.

– Да заткнись ты! – Эрза, вся возбужденная, взвизывая, развернулась и ударила девушку кулаком.

Крови на лице стало больше.

Стон притих, но затем возобновился. Нордис держал ее крепко. Судя по тому, насколько он был хмур и сосредоточен, происходившее ему не нравилось.

– Оставь ее. – Миа шагнула вперед.

– Что, такая подруга тебе больше по сердцу? – Эрза не смотрела на выставленное к ней острие конры.

– Она хотя бы не пыталась меня убить.

– Очень мило. – Эрза усмехнулась. – А я нас всех спасу.

– Отпусти ее, – неспешно произнес Тенуин. Поднял руку. С тихим щелчком раскрылись плечи наручного арбалета. Следопыт быстрым движением заложил болт с черным тяжелым наконечником и замер. Только на солнце чуть поблескивала прозрачная нить тетивы.

Гирвиндионец не шелохнулся.

– Вы что, спятили?! – закричала Эрза. – Вот! Вот наше противоядие! Нужно только разобраться, как его смешивать. Образец у нас есть.

Возле стены на обломке глиняного кирпича лежали девять коричневых комочков. Смесь трав.

– Я видела, как она их скатывала. Странное лекарство, я тебе скажу. – Эрза обращалась к Мие. – Знаешь, чем она скрепила? А? Своей харкотинной. Согласись, не очень приятно, да? Поплевала, пальцами скатала, вот тебе и лекарство.

– Умирать неприятнее, поверьте. – Теор снял с пояса хлястик. Раскрутившись, тот лег отрезками на землю. Под солнцем блеснули короткие лезвия. – А у вас, судя по всему, все шансы умереть задолго до того, как яд сделает свое дело. Прошу, не надо.

Феонил все это время держался в стороне, но сейчас, увидев готовый к бою кнут, был вынужден подойти к гирвиндионцу.

– Долг крови обязывает заботиться, – проговорила Миалинта, глядя на Эрзу, но обращаясь к Нордису. – Главное – спасти жизнь кровника. И если этой жизни угрожает глупость самого кровника, значит, нужно ее пресечь. Ты гирвиндионец и мало понимаешь в травах. Но поверь мне на слово, старуха права. Для таких ядов противоядие должно быть точным. Мы не знаем соотношений. Ошибка в две-три щепотки будет означать смерть.

Эрза приоткрыла рот, но так ничего и не сказала. Безумие в ее глазах спадало.

– Эта несчастная девушка вам ничего не скажет. Мы даже не знаем, что с ней. Посмотри сам. В ее коже нет жизни. Она вся серая. Серые волосы, ногти, почти бесцветные глаза. Посмотри на ее кровь. Она свернулась и уже почернела. Думаешь, пыткой вырвать у нее признание? Думаешь, она в муках согласится предать свою Хозяйку? Ту, ради которой приняла яд? Сомневаюсь. А теперь отпусти ее. Исполни долг крови. Спаси жизнь кровнице, глупость которой сейчас погубит всех нас.

Нордис явно задумался.

– Держи ее, – сжав челюсти, прошипела Эрза. – Только посмей.

Нордис выпустил плечо Шанни.

– Я сказала... не выпускать. Это приказ. Не смей! – Эрза от злости скрутила отобранный у девушки пояс с травами.

– Знаешь, подруга! – Миа опустила конру. – Ты изменилась больше меня. Я не знаю, кем стала. Не знаю, что со мной будет дальше. В этом ты права. Но ты... Тебя настоящей нет. Да, я

многое забыла. Все, что ты рассказала про Зельгарда и про наши собрания в доме Орина... Я ничего этого не помню. И таких провалов у меня предостаточно. Не знаю, как это объяснить. Быть может, я со временем все вспомню. Или навсегда изменюсь и тогда возьму себе новое имя, начну новую жизнь. Но сейчас я цепляюсь за себя старую, хочу исправить свои ошибки и так стать лучше. А ты... Ты даже не сопротивляешься. Ты стала другой. А ведь я хорошо помню тебя настоящую.

Эрза поникла. Впервые за все эти дни она выглядела действительно уставшей.

Нордис выпустил Шанни. Та пошатнулась. Гирвиндионец почти бережно придержал ее. Старался не смотреть на заметное под дхантой тело. Шанни не торопилась приводить себя в порядок. Сразу, едва укрепившись на ногах, потянулась к поясу с кожаными мешочками. Не произнесла ни звука. Не плакала, не просила. Только тянула руки. Эрза, заметив это, гневно посмотрела на гирвиндионца:

– Понятно, почему мать от тебя избавилась. Вот она, твоя благодарность. На! – Швырнула пояс под ноги Шанни.

Проходя возле Мии, задержалась. Посмотрела ей в глаза. Непривычная для Эрзы растерянность, слабость во взгляде. Так ничего и не сказав, пошла назад, к колодцу.

С тех пор подобных срывов у нее не было. Сейчас, сидя рядом со мной на ступеньках веранды и жмурясь на солнце, Эрза улыбалась. Ничто не мешало ей наслаждаться теплом увядающего лета.

– Двенадцать лет назад в «Приторне» всякое болтали про Авендилл. – Громбакх следил за тем, как Миалинта ощупывает кожу вокруг его раны. – Я как-то не верил. Хотя и сам потом с этими байками по всем Землям ходил. А теперь, получается, что не так уж там брехали.

– О чем ты? – поинтересовалась Миа.

– Говорили, тут что-то грохнуло. Ну, перед тем, как люди отсюда побежали. Полыхнул не то огненный шар, не то еще что-то. Я обычно рассказывал, что загорелось стадо манников.

– Стадо манников? – усмехнулся Теор.

– Ну да, так понятнее.

– Что понятнее?

– Понятнее, чем какой-то огненный шар. Вот... Вроде как от Авендилла до Лаэрнора через весь лес пролегла выжженная полоса. Только деревья особо не горели. Просто обуглились, покрылись пеплом. Ровнехонькая такая стрела, как новая дорога. Пепельная дорога, связавшая два города.

– Теперь думаешь, это правда?

– Не знаю... Да и кто-то говорил, что все было наоборот.

– Это как? – не понял Теор. – Стрела была не огненная, а водяная? И дорога не пепельная, а болотистая?

– Слушай, акробат. – Гром резко повернулся. Миа от неожиданности ковырнула корку его воспалившейся раны, но охотник не заметил этого. – Я вот давно думаю, давай проверим твою гибкость, а? Ноги у тебя длинные, руки длинные. Может, связать твои причиндалы узлом? И по городам кочевать – показывать тебя... такого уродца.

– Придержите язык. – Теор встал со ступеньки. Выпрямился во весь рост.

Мы с удивлением посмотрели на него. Прежде он не отвечал грубо на шутки Громбакха. Охотник и сам поразился. На мгновение онемел, а потом расхохотался так, что изо рта полетели брызги.

– Смотри-ка, ошетинился. Молодец. Я уж думал, тебе все иглы повыщипывали.

Теор не ответил. Молча поправил завязки на вороте черного, едва заметного под цани-обой костюма. Пригладил волосы.

– Ладно, ладно, молчу. – Гром кивнул, показывая, что не готов к новым пререканиям.

– Что там с пепельной дорогой? – напомнил я.

– Да... – Охотник вновь подставил руку Миалинте. – Ну, о чем я...

– Кто-то говорил, что все было наоборот...

– Да-да, точно. Ну вот, говорили, что, может, это из Лаэрнора сюда бахнуло. И только после этого люди стали разбегаться. Никто же не знает, с каким промежутком все произошло здесь и в Лаэрноре. И где раньше.

– *«Рожденный в Авендилле, он устремился к нам»*. Судя по тому, что говорила Азгалика, все действительно началось в Авендилле.

О комнате книжника Нитоса, о том, что он привозил сюда вещи с Гусиного озера, а затем привез настоящего черноита из Лаэрнора, я опять умолчал. Надеялся однажды получить хоть какое-то, пусть самое незначительное, подтверждение этой истории. Пока что я даже не был уверен в существовании Нитоса.

– Может быть.

– Еще говорят, – задумчиво произнесла Миа, – что многие беженцы из Авендилла какое-то время жили в Целинде, а потом небольшими группками стали уходить по Лаэрнскому тупику – напрямик в Лаэрнор. Никто, конечно, не вернулся. Тогда уже никто не возвращался.

– Уходили, – неожиданно сказал Нордис.

Мы оглянулись к нему, но других слов не дождались.

– Слушай, что-то Тен долго. – Я поднялся и опять посмотрел на дорогу. – Может, что-нибудь с ловушкой?

– Там такие ловушки, что баран не попадетсЯ.

– Это да...

Ловушки в Авендилле в самом деле были странные. Мы их обнаружили вчера вечером. Простые сеточные ловцы, ременные капканы, бревенчатые плашки с ткаными навесами вместо обычного ударника, капцы, веревочные силки с каменным усилителем и выдолбленные в земле проймы с плетеной теневкой. И главное, ловушки не были спрятаны. Каждая из них, напружиненная, готовая к поимке, хорошо проглядывалась за пятнадцать, а то и тридцать шагов. Тот, кто их установил, был уверен, что жертва отличается исключительной глупостью, слабым зрением и обонянием – даже плашки, которые обычно начисто вытирают травами для отвода запахов, лоснились от густой смазки. Впрочем, плашки все равно пахли одной лишь пылью, как и все остальное в Авендилле.

Кто и для чего насторожил ловушки, покинул ли город или остался в нем проследить, как они сработают, искал помощи от путников или готовился убить любого случайного свидетеля – всего этого мы не знали, поэтому предпочли продвигаться с удвоенной осторожностью.

Не вызывало сомнений лишь то, что жертва предполагалась крупной и сильной – такой, на удержание которой потребовались бы целые мешки строительных обломков.

Теор заверил нас, что в прошлый раз на руинах ничего подобного не видел. Да и проблем с выходом из города, о которых предупредила Азгалика, тоже не возникло. По его словам, отряд Горсинга, мужа Эрзы, пробыл здесь три дня. Обыскал несколько кварталов. Нашел следы Илиуса – отпечатки его подошв хорошо просматривались на запыленных ступенях ратуши. Ратушу обыскали, но ничего дельного не обнаружили, кроме странностей, подобных тем, что мы заметили в одном из покинутых домов – том самом, где Тенуин заставил нас бегать за разрозненными скрипами. Именно с ратуши Теор и предложил начать поиски.

– Ты же сказал, там ничего не нашли. – Громбах не верил ни единому слову Теора.

После всего что случилось в Лаэрнорском лесу, да и после того, как всплыли истории с исчезновением птицелова Вайрика и наемников Горсинга, охотник, кажется, с радостью отказался бы от заказа. Удовольствовался бы полученной третью оплаты и, едва выбравшись из колодца, сразу зашагал бы по Старой дороге – к Усть-Лаэрну или Дар-Идену. Но Азгалика крепко связала наш отряд. Приходилось действовать заодно, продолжать поиски потерявшегося на руинах Илиуса.

– Все так, – кивнул Теор, – не нашли. Но теперь у нас есть друг, который видит чуточку больше, чем самые опытные следопыты.

– Понятно...

Эрза с интересом посмотрела на меня. Она уже пыталась разузнать, что именно я увидел и почувствовал в Лаэрноре, что случилось с моей рукой. Я уходил от ответа. Хорошо помнил о ее связи с магульдинцами, о том, что она отлавливает для них черноитов и салауров. Эрза была готова расправиться с подругой и едва ли собирались церемониться со мной. Я пока не знал, что делать, но старался об этом не думать. Миа разделяла мою тревогу и успела шепнуть, что, если Эрза выйдет из Авендилла живой, покоя мне не видать – не пройдет и десяти дней, как об испытании в доме Пилнгара, обо всех словах Азгалики, о моем странном поведении узнают и книжники, и магульдинцы, и нерлиты, и все остальные, кто только предложит Эрзе соответствующую плату.

– Мы с ханголом пройдемся по ратуше, – продолжал Теор. – А вы начнете искать следы снаружи.

– Я с вами, – кивнул Гром.

– Нет.

– Что «нет»?

– В ратушу лучше идти вдвоем.

– Это почему?!

– Так безопаснее. Поверьте, мы... с Горсингом в итоге только так и смогли ходить в ратуше. Первые три наемника пошли вместе. И все погибли. Там странностей чуть больше... Там не только скрипы. Идти нужно вдвоем – так, чтобы спина всегда была прикрыта.

– И ты думаешь, что...

– Гром, не надо.

– Да он тебя...

– Все в порядке. Мы с Теором пойдем в ратушу. А вы начнете поиски снаружи. Так будет быстрее. Времени у нас немного.

Гром не успокаивался. Убеждал меня одуматься, хватал Теора за ворот, требуя толком объяснить, что здесь происходит, и всякий раз злясь из-за его размытых ответов. Я был непреклонен. Наконец Громбакх назвал меня «тупоголовым индюком, которому не терпится найти приключения на свой холеный зад», а Теору обещал в случае чего «оборвать последние сусала так, что он сам не отличит, где у него пятки, а где уши», на этом угомонился и больше к разговору о ратуше не возвращался.

Я разделял его тревогу. Понимал его опасения. Но вспоминал слова Мурдвина из Подземелья Искарута: *«Он тебя предаст, но ты ему доверься. Его предательство поможет. Он не виноват. Иногда ложь – единственный путь к правде»*. Что бы это ни значило, мне казалось, что Теору нужно довериться.

Если б не осторожность, с которой Тенуин вел нас в глубь Авендилла, мы могли добраться до ратуши еще вчера. В итоге задержались на половине пути. Тенуин сказал, что безопаснее ночевать в доме, где не осталось ни мебели, ни дверей. От идеи забаррикадироваться отказались, но выставили на крышу посменный караул, предусмотрительно смешав отряды: первыми стерегли Эрза и Тенуин, затем Феонил и Гром, далее Теор со мной и Нордис с Мией. Шанни всю ночь провела на улице. Даже не присела. Только закрыла глаза и чуть покачивалась возле ребровика, чем порядком нас нервировала. Эрза предложила уложить девушку насильно, но после грубого ответа охотника не решилась настаивать.

– Идут. – Миа первая заметила возвращавшихся следопытов.

– Идут, – кивнул Теор.

– Что там? – Эрза, растеплившаяся под солнцем, задремала.

Громбахх торопливо вдел перевязанную руку в рукав цаниобы. Все с нетерпением ждали возможности выдвинуться вперед. Ожидание на веранде было слишком долгим.

– До перекрестка безопасно, – приблизившись, сказал Тенуин, – идем.

Наш отряд вновь собрался на дороге. Следопыты указывали проверенный путь между завалами и зарослями дикой куманики. Гром ворчал, что они опять идут слишком медленно, и поглядывал на Шанни, будто боялся, что она сбежит вместе с травами Азгалики.

– Мы тут скорее найдем подземный источник хмеля, чем какого-то мальчишку, – причитал охотник всякий раз, когда мы проходили возле очередного разрушенного здания.

Мы еще не дошли до перекрестка Мыторной и Льянной улиц, когда наш отряд вновь разделился. Несмотря на протесты Эрзы, Тенуин и Теор, ускорившись, обогнали нас – следопыт хотел углубиться в северном направлении, в сторону ратуши. Теор предупредил, что почва под Малой Осенней площадью осела, обвалив стены ближайших домов и нарушив сразу два дождевых стока, из-за чего там собралось мелкое болотце – барахтаться в нем не было никакого смысла:

– Свернем в один из переулков. Обойдем квартал с востока, а потом вернемся на Льянную улицу.

Тенуин рассчитывал лично осмотреть и площадь, и переулок, а мы тем временем неспешно шли за Феонилом, который показывал выверенный путь до перекрестка.

– Смешно, – сказала Миалинта, когда я вновь упомянул построенные Чистильщиками даурхатты.

– Что?

– В Землях Нурволкина каахнеров почитают кем-то вроде богов. Ну, если не богов, то их ставленников. До Темной эпохи нурволкинцы даже устраивали небольшие паломничества – шли приложить ладонь к стенам даурхаттов, посмотреть на оставленные каахнерами пещеры. В Пекель-Зорд и выше их, конечно, не пускали, но они, говорят, неплохо платили проводникам и тем, кто мог укрыть их от стражников, – все что угодно, только бы взглянуть на Таильскую пещеру.

– Там же ничего не осталось от каахнерской кладки.

– Да, давно все вычистили, но нурволкинцам было все равно.

– Почему именно Чистильщики, почему не Предшественники?

– Не знаю. Отец говорил, что... Смотри. – Миалинта резко остановилась.

Впереди показался Теор. Он возвращался быстрым шагом, то и дело порываясь перейти на бег, но сдерживая себя, – на уличных завалах бежать было опасно даже для акробата. Весь нескладный, с тонкими паучьими ногами, он явно спешил к нам, и его походка сейчас казалась особенно неуклюжей.

Теор возвращался один, и нам это не понравилось. Успокаивало лишь то, что хлястник был скручен и по-прежнему крепился к поясу.

Мы знали, что можем рано или поздно наткнуться на тех, кто ставил ловушки, и только надеялись, что такая встреча не будет открытой. Как всякий раз повторял Тенуин, в таких местах лучше заметить тень затаившегося за углом человека, чем выйти навстречу тому, кто даже не пытается скрыть свое присутствие.

– Там человек, – бросил Теор, едва приблизился к нам на расстояние десяти шагов. – Прятался на крыше, я даже не заметил.

– Где Тен? – сдержанно, но твердо спросил Гром.

– Идем, – позвал Теор, отказавшись от других пояснений.

Обнажив клинки, мы пошли вперед. Предпочитали держаться поближе к стенам, чтобы не выдавать свое присутствие. Шанни осталась на месте. Заметив это, Эрза приказала Нордису ее сторожить. Гирвиндионец явно не хотел отпускать Эрзу без своей защиты, но вынужден был подчиниться. Снял с петель боевой молот, левой рукой обхватил укрепленную стальными

кольцами рукоять, а правой грубо подхватил Шанни под локоть и отвел ее под укрытие проулка, ведущего на задние дворы. На мгновение я испугался оставлять их наедине. Кажется, Миалинта тоже подумала об этом – чуть помедлила, но затем поторопилась вслед удалявшемуся Теору. Оставалось довериться Нордису.

Пробежали перекресток Мыторной и Льяной улиц. Обогнули еще один провал в дороге – из тех, на дне которого виднелась рыхлая земля. Осторожно прошли заграждение из ловушек – целой череды ременных капканов. Они успели запылиться, значит, стояли тут давно, так и не дождавшись жертвы.

– Где? – на ходу процедил охотник.

– Уже близко.

Впереди показалась заболоченная Малая Осенняя площадь. Я только успел подумать, что мы шли с наветренной стороны и должны были почувствовать зловоние стоялой воды, однако, как и прежде, город пах лишь сухой пылью давно покинутого помещения. Теор свернул в переулок – тот самый, о котором он говорил Тенуину.

Пробежали два здания и остановились.

– Там. – Теор указал в разъявленные двери ближайшего дома. – На крыше.

Гром хотел войти первым, но я остановил его:

– Подожди тут. Если что, я позову.

Охотник посмотрел на Теора и нехотя согласился. Кивнул и тут же побежал дальше – хотел пройти переулок насквозь, чтобы осмотреть его выход на соседнюю улицу. Теор остался у дверей, а мы с Эрзой, Феонилом и Миалинтой бросились к лестнице.

Дом был выпотрошен. Мы уже привыкли, что в таких домах спокойно. Выбитые окна, проломы в стенах и опустошенные помещения отчего-то указывали, что ни подозрительных скрипов, ни искаженных отражений внутри не будет. Впрочем, в иной ситуации мы бы, конечно, не бежали по лестнице так уверено.

Последний пролет вывел в надстройку, частично заменявшую третий этаж. Из нее на плотно плоской крыши вели все еще державшиеся на петлях двери. Миалинта, выставив конру, распахнула их. Следом выскочили мы с Феонилом. За нами – Эрза со взятым на изготовку луком и уложенной на тетиву стрелой.

– Тише, – спокойно сказал Тенуин.

Следопыт обращался не к нам. Перед ним на коленях стоял незнакомец. Рябое, покрытое пылью лицо. Взъерошенная борода. На удивление знакомые черты. Нечищенная кожаная куртка с нашивками из кольчужных складок и стальных бляшек. На темных скученных волосах – кожаный наголовник.

– Тарх... – удивленно прошептал Феонил, опустив стилет.

Я уже знал это имя.

«Там, на Мыторной, его и нашли. Мертвого. Кто-то сбоку пробил ему горло». Голоса Вельта и Горсинга. Они эхом сумрачного воспоминания отозвались в моей голове. Значит, сон меня не обманул. Люди Горсинга, возможно, сам Горсинг и отряд красных с Гийюдом в самом деле застряли в Авендилле. Охотились на зордалина – того самого, о котором говорила Азгалика.

– Тарх, – громче и увереннее повторил Феонил.

– Тихо, – скомандовала Эрза. Она не опускала лук.

Тенуин стоял за наемником. Коленом выгибал ему спину. Одной рукой удерживал плечо, другой обхватывал голову – так, что пальцами зажимал сердечную вену на шее. Тарх не мог пошевелиться. Только скалился и, обезумев от боли и ожидания, вращал глазами. По его лицу стекал мутный пот.

– Он один? – без видимой тревоги спросила Эрза.

Феонил не находил себе места. Порывался сказать что-то еще, переступал с места на место, но сдерживался.

– Ты его знаешь? – Тенуин не ответил. Или посчитал, что ответ не требуется. Будь поблизости кто-то еще, следопыт не подждал бы нас на крыше в таком положении.

Эрза долго и внимательно смотрела на Тарха, будто вспоминая его имя. А я, вновь и вновь обращаясь к своему сну, не мог понять одного – почему в ночном видении Тарх погиб. И почему он сейчас стоял здесь живой.

– Знаю, – наконец кивнула Эрза. – Он из отряда Горсинга.

– Твоего мужа?

– Да.

– Ты ему доверяешь?

– Тарху? Да. Можешь отпустить его.

Тенуин убрал руки и плавно отошел в сторону. Рукава его бурнуса были закатаны. Следопыт мог в любой момент выпустить наручные клинки.

Тарх, закашлявшись, повалился на руки. Было видно, что он с трудом возвращает контроль над телом.

– Не вставай. – Эрза отдала лук Феонилу, а сама неспешно потянула за обмотанную черной кожей рукоятку – достала из ножен короткий клинок. – Где Горс?

– Что?! – недовольно прохрипел Тарх. – Кто эти люди? – Наемнику было трудно говорить, он бережно растирал горло в том месте, где надавливал Тенуин.

– Свои вопросы задашь позже. Вначале ответишь на мои.

– Да что тут... – Тарх выпрямился и уже хотел подняться с колен, но встретился глазами с Эрзой и понял, что она говорит серьезно. Выругался, сплюнул, однако решил не перечить. – Где эта гнида? Опять сбежал? Вечно он бежит.

Я догадался, что Тарх спрашивает про Теора. Думаю, это поняли и остальные. Мы с Мией переглянулись. Следопыт тем временем отошел к громоздкой глиняной кадке, в которой некогда росло цветочное дерево. Прислонившись к ней спиной, застыл. Лица его не было видно под приведенным в боевую готовность капюшоном, и могло показаться, что Тенуина вообще не интересует происходящее на крыше.

– Да... Когда запахло дерьмом, этот ударбыш сразу слинял. Только и видели его. – Тарх понял, что не дожидается ответа от Эрзы. – Горс с остальными на Белой площади.

– Где это?

– Дикая яма. Восточная часть города. Горс, Вельт, Сит, Аюн. Все там.

– Это ты называешь «все»?

– Остальные скопытились. Вот так.

– С вами кто-то еще?

– Кто-то еще. – Тарх усмехнулся. Он восстановил дыхание и теперь говорил чуть тверже.

– Отвечай нормально.

– Слушай, что тут, а? Горс ждал, что ты приведешь людей, а тут...

– Отвечай.

– Да что происходит?! Что ты так смотришь? – проревел Тарх, но сделал это неуверенно, явно сдерживаясь. – Это мы тут месяц тухнем. А Сит уже могилку себе присматривает. Он, знаешь, совсем уже того – нашел себе куклу, ходит...

– Отвечай, – повторила Эрза. Тихо, вкрадчиво. При этом зашла за спину наемнику и всем этим, думаю, напугала его больше, чем могли напугать любые угрозы.

– Тилл, Наир, Вардан. Они погибли первые. Остались в ратуше. Их там перекутило в узлы. Мы видели. Все пошло не так гладко, как обещала эта длиннорукая обезьяна. Хотя...

– Что?

– Мы с Горсом видели их смерть. Стояли в дверях ратуши. Но все, что там произошло у парадной лестницы, каждый увидел по-своему, вот так. Это все Авендилл... Тут ничему нельзя верить. Искривленный город. Иногда даже не уверен, что ты – это ты. У тебя нет запаха, у тебя нет снов. Иногда кажется, что у тебя не осталось воспоминаний...

– Тарх. – Эрза в нетерпении ходила за его спиной. – Говори по делу.

– Скажи только...

– Тарх!

– Брат с тобой?

Я с удивлением посмотрел на Миалинту. Не знал, что у Эрзы есть брат, а мгновением позже понял, что речь не о ней.

– Густ с нами. У нас тут свой лагерь. Он сейчас там.

Густ... Его обезглавленное марухшей тело. Трупное копошение под цаниобой. И неотвратимый поток эорлитов. Я вспомнил все, связанное с этим наемником, – от его пререканий с Громбакхом до его последних слов перед смертью. Теперь стало понятно, почему лицо и борода Тарха показались мне знакомыми. Братья были похожи друг на друга. Но почему Эрза сказала, что Густ жив? Я вновь посмотрел на Мию. Она кивнула мне, показав, что поддерживает Эрзу.

«Смерть брата отвлечет и обеспокоит Тарха. А нам нужно услышать от него все, что он знает».

«Да, это так».

Я нахмурился. Никогда прежде не выстраивал свои мысли диалогом. Да и прозвучало это для меня так, будто я не свою мысль озвучил, а уловил, сформулировал мысль Мии, после чего попробовал так же, молча, ей ответить. Не успел разобраться в этом новом для меня и пока что непонятном чувстве – Тарх заговорил. Его явно ободрила мнимая близость брата.

Он рассказал, что после похода в ратушу Горсинг и Теор поругались. Теор сбежал. Полную оплату он сделал еще в Целинде, так что у Горса, в общем-то, вопросов к нему не было, однако он хотел допросить акробата – чувствовал, что тот знает куда больше, чем говорит. Догнать Теора они не смогли. Затем прошлись по городу, надеялись найти что-нибудь ценное. Нашли зордалину – черный перетекающий в себе сгусток. Омерзительная опухоль, лишенная запахов и звуков.

Догадываясь, что сгусток заинтересует красных, Горсинг выехал напрямик в Нилм – небольшой городок на окраине Деодрельского леса. В условленном месте сдвинул нужные камни и так показал магульдинцам, что привез важное сообщение, связанное с поимкой лигуритов. К вечеру Горсинг уже встретился с Гийюдом.

– Тот еще урод... – Тарх хохотнул. Он по-прежнему стоял на коленях, но теперь считал это обыкновенной предосторожностью. Успокоился и полностью вернул контроль над телом. – Весь такой, знаешь, подрезанный, обкромсанный. Глаза вылуплены, без век. И да, он всегда носит маску с водой.

Магульдинцы заинтересовались сообщением Горсинга, и когда он понял, что дело назревает большое, отправил бегунка к Эрзе – потребовал в помощь еще десять наемников, приказал втайне поставить у городских ворот Авендилла лагерь и ждать его распоряжений. Сказал, чтобы Эрза отказалась от дополнительных заказов, а дела по отлову фаитов на Старой дороге передала кому-нибудь из доверенных.

Месяц назад сюда, на руины, прибыл сдвоенный отряд из магульдинцев и людей Горсинга. Так и не дождавшись ответа от Эрзы, он отправил второго бегунка, Аюна.

Всякий раз, как Тарх упоминал магульдинцев, я думал о Громбакхе, оставшемся внизу, в переулке. Переживал за него. Понимал, что теперь ему не избежать новой встречи с красными. *«Это была резня. Магульдинцам хватило одного часа. Гром даже не узнал свою мать. Только*

по одежде понял, что это она. Сестру вовсе не нашел. Ее сожгли в общей яме». И ведь тогда, двадцать шесть лет назад, красные полностью вырезали село Громбакха только из-за того, что оно принадлежало книжнику, – хотели наказать его за богатство и за работу с лигурами. А теперь красные на сотрудничестве с книжниками зарабатывали...

– Аюн не смог пробиться к Тракту. Никто не смог. Дорога всех возвращала назад, к Авендиллу. И парунок этой девчонки... Слушай, так, значит, ты получила еще первое сообщение. Месяц назад... Почему же... – Тарх дернул головой. Опять усмехнулся. Напомнил себе, что все ответы получит после того, как сам отчитается о положении лагеря.

Все, что рассказывал Тарх, подтверждало правдивость моего сна. Видение было точным, ни в чем не исказило правду. Это одновременно восхищало и ужасало. Противоречие было одно. Тарх стоял перед нами живой и говорил. В конце концов я решил, что даже в этом сон меня не обманул, ведь я не видел смерти наемника, а только услышал донесение Вельта. Он мог обмануть Горсинга, только я не мог и представить, зачем ему это понадобилось.

Тарх сказал, что их лагерь расположен в небольшом доме, в трех кварталах отсюда. Там стояли две крытые тригольы⁶ с основными запасами провианта, снаряжения и трав, исхудавшие лошади цальдейской породы, которым на две трети урезали кормушку, и хрусталиновый куб, в котором магульдинцы рассчитывали вывести зордалина.

О книжнике Нитосе, о построенной им комнате и о том, что Нитос привел в Авендилл одного из черноитов Лаэрниора, Тарх не упомянул. Возможно, он и не знал всей истории. Горсинг мог сохранить в тайне разговор с Гийюдом, чтобы лишний раз не пугать своих людей, которым и без того было не по себе на руинах покинутого города. Осознание, что я здесь знаю и понимаю больше остальных, неожиданно заставило улыбнуться. Не то чтобы я мог как-то использовать свои знания – для меня, как и для Горсинга, происходящее в Авендилле оставалось непонятным, – но мимолетное чувство даже такого, мелочного превосходства оказалось приятным.

Тарх закончил отчет тем, что назвал число магульдинцев, их вооружение и указал, что весь сдвоенный отряд сегодня ушел к Белой площади готовить новую засаду.

– Просидят там допоздна. Они часто так... Расставят свои паутины и ждут. Только Пожиратель не приходит.

– Пожиратель, – невольно повторил Феонил.

– Я так-то и не ждал нападения. – Тарх повернул голову, чтобы посмотреть на неподвижного Тенуина. – Ждал тебя или другой подмоги. В общем... Да, проворонил, но... Вам лучше не показываться красным. Давай я переговорю с Горсом...

– Все в порядке. – Эрза по-прежнему стояла за спиной наемника. Обнаженный клинок чуть покачивался в ее руке. – Скоро все закончится.

Я почувствовал, как по спине скользнуло легкое прикосновение холода. *«Кто-то сбоку пробил ему горло».*

– Ты прав. Не будем показываться красным. Спрячемся в другом месте. Тут ведь каждый сам за себя.

– Это да. – Тарх усмехнулся. Всем своим видом показывал, что хочет встать с коленей, но покорно ждал разрешения Эрзы.

«Удалили справа. Значит, левша».

Эрза стояла сзади. Держала клинок в правой руке.

– Но почему ты не пришла раньше? И кто эти... Откуда здесь акробат?

– Это он привел нас сюда. И мы бы пришли раньше, но нас немного задержали в дороге.

⁶ Триго́лла – закрытый грузовой шестиколесный конный экипаж с закрепленной пяткой.

«Рана грубая. Слишком сильный и неточный удар – почти под челюсть. Значит, Тарх пытался уйти от удара».

Нет. Это значит, что удар наносил тот, кто не слишком хорошо владеет мечом. Тот, кому привычнее использовать другое оружие. Например, секач. Или кистень. Или лук.

– Вас сюда привел Теор? Это как?

– Густ тебе все расскажет. Пока нужно торопиться.

Миалинта сделала шаг вперед. Кажется, оно что-то заподозрила.

Тарх, так и не дождавшись разрешения, все-таки подумал, что допрос окончен, и стал подниматься. Чуть повернул голову. Хотел посмотреть на Эрзу.

Эрза перехватила черную рукоять двумя руками. Стертые упор и оголовье. Хороший боевой клинок.

– Это... – Феонил едва слышно произнес что-то неразборчивое.

Секундное промедление.

Клинок рассек воздух. Эрза вложила в удар всю тяжесть тела. Ударила от бедра, полностью сместив корпус вперед. Так бьют, когда не ожидают ответного выпада. Когда бьют насмерть.

Лезвие ударило в шею на удивление тихо. Слишком высоко. Почти под челюсть. Голова дернулась с сухим хрустом. Тарх вскрикнул – не злобно, не испуганно, а скорее удивленно.

Поначалу даже не было крови. Будто Эрза ударила тренировочным деревянным мечом, лишь для устрашения выкрашенным в темно-серый цвет стали.

Тарх распростер руки. Искал опору в воздухе. Пальцами потянулся к вонзенному в шею клинку. Едва прикоснулся к нему, вздрогнул, будто только сейчас ощутив губительную силу удара.

Так и не поднявшись с колен, не сказав ни слова, не закричав, повалился вперед, увлекая за собой Эрзу – меч плотно засел в шее. Эрзе пришлось с силой выдернуть клинок, и только тогда из раны хлынула кровь.

Тарх, даже толком не изогнувшись, не пытаясь смягчить падение, рухнул лицом на деревянное покрытие крыши. Упал громко, пыльно – одним глухим хлопком, мгновенно разлив у шеи бесформенное темное пятно крови.

Мы молча, пораженные, смотрели на поверженного Тарха.

Миалинта неуверенно подняла конру. Феонил, побледнев, отошел на несколько шагов назад. Онемев, силился, но не мог вымолвить ни слова. И только Тенуин безучастно, будто наперед предугадав, что именно здесь произойдет, стоял возле глиняной кадки, даже не переменив позу.

– Зачем? – наконец спросила Миа.

– Нельзя рисковать. – Эрза старалась говорить равнодушно, но голос выдавал ее волнение.

– Он был твоим человеком.

– Он был человеком Горсинга.

– Твоего мужа.

– Пришло время сделать выбор. Ты знал, что однажды этот день придет.

Я не сразу понял, что Эрза обращается к Феонилу. Юный следопыт дрожащей рукой обхватил рукоять стилета, однако не торопился вынимать его из ножен.

– Теперь ты и сам увидел, что я права. Видел Лаэрнор, видел Гусиное озеро. Что бы там ни было, зордалин, выродившийся лигур или что-то еще, его влияние расширяется. Оно поглотило Старую дорогу. И однажды поглотит Целиндел. Нужно уезжать. И как можно дальше. Выбор за тобой, Феон. Можешь сейчас развернуться и уйти. Восток города, Дикая яма. Думаю, ты найдешь Горса. Доложишься ему. Или останешься здесь, со мной.

Феонил остался. В страхе, что Эрза убьет его, как убила Тарха, или в надежде, что она окажется права, – не знаю. По словам Миалинты, два года назад Эрза и Горсинг забрали Феонила из сапожного приюта, одинаково заботились о нем, обучали его, считали его своим человеком. Феонилу было трудно выбрать кого-то одного. Горсинг не просто возглавлял их отряд, он его создал – задолго до того, как познакомился с Эрзой. Главные решения всегда принимал именно он. Однако его жена была слишком красивой, хитрой и властной, чтобы юный следопыт мог устоять перед ее влиянием. Эрза была жесткой, всегда уверенной в своих поступках, при ее красоте и внешней хрупкости это завораживало еще больше. Кроме того, Нордис, личный телохранитель Эрзы, преданный ей по долгу крови, стал кем-то вроде наставника для Феонила – мы все видели, что на Старой дороге и в Лаэрниорском лесу он ни на шаг не отходил от гирвиндионца, следил за его подношениями, пытался их повторить, да и в остальном часто подражал ему. Отказаться от Эрзы для Феонила значило бы отказаться и от Нордиса.

Юный следопыт так и не обнажил стилет. Больше не отступил ни на шаг. Не попытался сбежать. Для Эрзы этого было достаточно. Кивнув Феонилу, она склонилась над Тархом.

Крови с каждой минутой становилось больше.

– Стиллет. – Не поднимая головы, Эрза протянула руку.

Феонил не сразу понял, что от него требуется.

Тенуин тем временем обошел убитого наемника и направился к распахнутым дверям надстройки, через которую мы поднялись на крышу.

– Мы тут оставили следы, – сказала ему Миа. – Они узнают о нас.

– Бесполезно.

– Что?

– Всех следов не спрячешь. Он уже много дней приходил караулить на эту крышу. Тут хороший обзор на Мытную и Льняную. Они знают, где его искать. И точно найдут хоть какую-то зацепку. Всего не спрячешь.

– Значит, нужно идти?

– Да. У нас небольшое преимущество. Но к вечеру или к утру его не останется.

«Следов не прятали».

Миалинта кивнула. Мы втроем пошли к выходу. Оглянувшись, я увидел, как Эрза стилетом снимает тахом с шеи убитого Тарха. Осталось надеяться, что наемник к этому мгновению действительно умер.

– Легкой ковки, – прошептала Эрза.

Срѣзала с поддевки Тарха небольшой лоскут. Завернула в него тахом.

Феонил смотрел на вернувшийся к нему стилет с таким ужасом, будто сам покрыл его кровью.

Юный следопыт так и стоял на крыше, когда мы уже спустились на улицу. Эрза не стала его подзывать, понимала, что ему нужно время, чтобы принять случившееся. То, что она безжалостно расправилась со своим же человеком, потрясло Феонила, но окончательно его сбило с толку то, как она потом бережно позаботилась о памяти убитого.

– Что там? – спросил Теор, когда мы вышли в переулок.

Ему никто не хотел отвечать. Я не знал, как именно описать случившееся, а другие после услышанного от Тарха с еще бóльшим подозрением отнеслись и к самому Теору и к поискам его пропавшего брата.

– Тарх убит, – коротко сказал Тенуин.

– Что? – Теор этого явно не ожидал. – Он... напал на вас?

– Можно и так сказать, – нехотя ответила Эрза.

Когда к нам подошел охотник, Миа коротко пересказала все, что мы слышали от Тарха. Громбакх слушал на удивление спокойно, никак не отреагировал на слова о близости магульдинцев – по меньшей мере не показал этого.

После краткого обсуждения решено было первым делом заглянуть в лагерь Горсинга и Гийюда. Поискать там какие-нибудь записи, карты, заодно ознакомиться с провиантом. Другой возможности сделать это могло не представиться. Сейчас мы хотя бы знали, что лагерь никто не охраняет.

– Если Тарх сказал правду, – поморщился охотник. – Тарх... То еще имечко. Видать, у них вся семейка такая веселая. И я скорее поверю гаданию на поносных жуках, чем словам твоих людей.

– Он человек Горсинга. Как и Густ. И Тарх не стал бы мне врать.

– Конечно. И ты его отблагодарила.

– Нет времени. – Миалинта не позволила им пререкаться. – Если хотим попасть к ним в лагерь, идти нужно сейчас.

– Три квартала, – напомнил Тенуин. – Идем.

Пока мы обсуждали план действий, спустился Феонил. Он был бледен и молчалив, но без вопросов принял все, что мы ему сказали. Эрза какое-то время пристально следила за своим следопытом, а потом, поймав его взгляд, кивнула ему. Феонил кивнул в ответ.

Мы вернулись на Льяную улицу и заторопились назад, к Нордису и Шанни. Я вспоминал свой сон и вдруг осознал, что один тут знаю, куда именно мы направляемся – в дом книжника Нитоса, едва ли не главного виновника того, что случилось с Авендиллом, а быть может, и с Лаэрнором. Задумался, не стоит ли предупредить Тенуина. Следопыт не стал бы задавать вопросов. Решил, что пока в этом нет необходимости, а потом резко остановился. В раздражении стиснул зубы.

– Прикрой меня, – шепнул я охотнику.

– Чего?

– Мне нужно кое-что посмотреть. Никому не говори.

– Если решил погадить на дорожку, так и скажи. – Громбакх хохотнул.

– Я серьезно.

– Все правильно, это дело серьезное. Требуется уединения и определенных навыков.

Отмахнувшись от охотника, я припустил назад, к дому, на котором погиб Тарх.

Взбежал на крышу.

Наемник лежал на том месте, где мы его оставили. Кровь растеклась большим пятном, уже отчасти загустевшим и впитавшимся в дресву. Я склонился над Тархом. Приподнял ему правую ногу. Затем левую.

Вот оно.

Лоскут ткани. Записка, о которой Вельт доложил Горсингу.

Если б кто-то из нас решил вернуться на крышу, при этом не зная, чего именно искать, никогда бы ее не нашел.

«Эрза Нордис шесть чужих. Ищем выход потом чужие враги. Ночь по Малой луне знак пятой команды три удара повтор. Феон».

Феонил... Можно было догадаться. Юный следопыт выбрал Эрзу, но готов был рискнуть, чтобы примирить ее с Горсингом.

Написано кровью. Судя по тонким и прерывистым линиям, следопыт вместо пера использовал стилет. Приходилось внимательно всматриваться в слова, теряющиеся на грязной ткани, чтобы уловить их значение. Феонил, пожалуй, выбрал лучший из всех доступных вариантов – скрытый для тех, кто пройдет мимо, и очевидный для тех, кто станет осматривать Тарха.

Я растерялся, не знал, как поступить. Хотел разорвать записку и выбросить где-нибудь по дороге, но отчего-то не осмелился этого сделать. Трудно сказать, что именно тут сыграло свою роль. Возможно, я действовал по наитию, но скорее всего испугался перечить своему сну – не хотел нарушать его логику. Если Горсинг должен получить записку, пусть так. Я только внесу небольшое изменение.

Подобрав испачканный в крови камешек, тщательно затер первые два предложения. Задержался, неуверенный в правильности своих действий. Наконец положил записку на место и зашагал назад, к лестнице.

Выбежав на улицу, я уже знал, что о записке скажу только Тенуину. Остальным знать необязательно. Громбакх и Миалинта могли отреагировать слишком бурно.

Глава 3

Библиотека

Падежные и словообразовательные сложности – не единственные из тех, с которыми вы столкнетесь, изучая ворватоильское наречие. Не меньше затруднений вызовет использование всех шести времен, необходимое для получения полного учебного свитка. Если прошлое, продленное прошлое, настоящее, несвершенное будущее и будущее, как правило, удается освоить большинству учащихся, то вневременная позиция порой остается неосвоенной. Именно такой позицией написана основная часть Бирюзовой книги, «Откровений Блюстителя» и «Саальпиннских записок».

Указанные в этих текстах события происходят в едином, неразделенном времени – они не завершились в прошлом, не продолжаются в настоящем и не будут происходить в будущем, они существуют в неразделенной бесконечности.

Вневременная позиция также использовалась в ворватоильском стихосложении, а в редких случаях и в разговорной речи. Освоение этой позиции требует дополнительного изучения муэрдинских толкований. «Пособие для общих занятий по ворватоильскому языку». Подготовлено Высшим престольным училищем Вер-Гориндора

К лагерю наемников мы выдвинулись с опаской. Тарх мог умолчать об охране, оставленной Горсингом или Гийюдом. Пожалуй, я единственный полностью доверял словам наемника, но у меня, конечно, на то были свои причины: рассказанное им совпадало с тем, что я увидел во сне.

Нордис спокойно отреагировал на известие о том, что мы наткнулись на Тарха. Так же спокойно он принял краткий рассказ о его смерти. Никаких вопросов гирвиндионец не задал и только согласился, что нужно спешить, пока красные не вернулись в лагерь.

Как бы нас ни поторапливала Эрза, продвигаться слишком быстро мы все равно не могли. Во-первых, нас сдерживала Шанни – что бы ей ни говорили, девушка шагала так же неторопливо, как и по улочкам Лаэрниора. Во-вторых, Тенуин настаивал на предельной осторожности – допускал, что нам еще встретятся новые, куда более тщательно скрытые ловушки.

Кажется, Тарх так до конца и не понял, кто мы и зачем тут оказались. Видел Эрзу, возможно, узнал Миалинту, если когда-то раньше встречал ее в Эйнардине, и наверняка решил, что в Авендилл пришла помощь, которую так ждал Горсинг. Присутствие незнакомых людей и Теора его смутило, но у Тарха не осталось ни времени, ни сил во всем этом разобраться. Должно быть, поэтому наемник сказал нам правду – лагерь мы обнаружили, как он и обещал, в трех кварталах от смотровой крыши.

К этому времени я успел переговорить с Тенуином. Сделать это было непросто. Следопыт шел впереди отряда, но возле него всякий раз оказывались то Феонил, то Теор. Отчаявшись, я уже подумывал дать Тену прямой знак. Этого не понадобилось. Он и сам все понял. Отослал Теора идти вдоль правой линии домов и следить за окнами.

Эрза и Нордис были в десяти шагах позади нас, так что говорить приходилось тихо.

– Феон оставил записку под ногой Тарха.

Тенуин повернул ко мне голову. Его лицо по-прежнему было скрыто под маской капюшона: плотная коричневатая ткань, матовая поверхность выпуклых бичуляров, плотная черная сетка для дыхания, по краям которой вшиты крохотные ниобы с защитными травами. И все же мне показалось, что Тенуин удивлен. Я поторопился как-то оправдать свою находку:

– Мне показалось, что Феонил хочет что-то сделать. Вот я... вернулся проверить. Следопыт кивнул и теперь вновь смотрел вперед.

– «Эрза Нордис шесть чужих. Ищем выход потом чужие враги. Ночь по Малой луне знак пятой команды три удара повтор». – Я в точности повторил содержание записки, затем сказал, что оставил лишь последнее предложение, а другие слова затер кровью.

Тенуин продолжал осматривать дорогу, изредка склоняясь к ее поверхности или подбрасывал вперед камешки и наблюдал за их падением, но я не сомневался, что он внимательно меня слушает.

Какое-то время мы шли молча, затем следопыт спросил:

– Что ты об этом думаешь?

– Феонил хочет примирить Эрзу и Горсинга. Они оба для него важны.

– Еще.

– Пока мы не выбрались из Авендилла, никто из них против нас не выступит. Мы все угодили в одну тонущую лодку и сейчас не до выяснения отношений.

– Еще.

– Феонил почти всегда караулит во вторую смену. Малая луна сейчас поднимается к полуночи и стоит до двух часов. Все совпадает. Феонил подаст знаки. Какие-нибудь из тех, что он подавал на Старой дороге. Горсинг или кто-то из его людей поймет их. Вряд ли Феонил сможет передать большое сообщение. На Старой дороге они ограничивались простыми указаниями. Думаю, Феонил просто сообщит наше положение и призовет Горсинга. Как раз после смены или перед рассветом встретит его и обо всем ему подробно расскажет.

Пока Тенуин осматривал очередной завал на дороге и выбирал, с какой стороны его обойти, Нордис, Эрза и Феонил нас нагнали, так что наш разговор прервался. Вскоре подтянулись Теор и Миа с Громом, вынужденные присматривать за неизменно медлительной Шанни.

После завала мы с Тенуином ускорились и постепенно отделились от остальных на безопасные пятнадцать шагов.

– Почему ты оставил записку? – спросил следопыт.

Мне больше хотелось услышать его мнение, но я терпеливо отвечал на вопросы, зная, что Тенуин выскажется лишь после того, как я полностью удовлетворю его любопытство. Он всегда так поступал – вопрос в обмен на вопрос.

– Подумал, что так у нас будет преимущество.

– Преимущество?

– Мы осмотрим их лагерь. Потом уйдем. Они найдут убитого Тарха, и мы окажемся в равном положении. Мы знаем о них. Они будут знать о нас – по следам поймут, сколько у нас человек, смогут определить, в каком направлении мы движемся. Что они предпримут, нам неизвестно. Если же Горсинг получит записку – именно такую, обрезанную, – мы окажемся впереди ровно на один шаг.

– Если записка попадет к красным, они устроят облаву.

– Не попадет. – Я сказал это слишком уверенно, поэтому поторопился объяснить: – Они тут уже месяц. Взаперти. Не могут поймать Пожирателя. Отчаялись. Но сомневаюсь, что близость смерти их сплотила. Скорее всего, Горсинг захочет тайно переговорить с Эрзой – на случай, если придется выступить против красных. Я стер упоминание чужаков. Горсинг решит, что Эрза наконец привела подмогу. Если верить Тарху, он просил ее привести десять человек. Шансы уравниваются. Тринадцать против шестнадцати – не так уж и плохо. Вот тебе и преимущество. Введем Горсинга в заблуждение и привяжем к нему ниточку – только дерни, и он придет в то место, которое мы сами выберем.

– Тринадцать против шестнадцати, – медленно повторил Тенуин.

Спокойствие в его голосе ошпарило меня. Я сдвинул кулаки. Отругал себя за собственную глупость. Слишком увлекся, не подумал... Можно было сыграть дурака – сказать, что ошибся

в подсчетах, и рассмеяться, но я уже хорошо знал следопыта и понимал, что для него такие сцены лучше не устраивать. Тенуин не станет уличать меня и задавать мне новые вопросы, он просто замкнется и будет выжидать, а в нужный момент поступит так же – скроет от меня что-то важное. Отступить было поздно, так что я просто кивнул:

– Да. Именно так.

Тенуин наравне с Громбакхом и Миалинтой был в числе тех немногих, кому я доверял. К тому же именно с Тенуином я впервые позволил себе открыто говорить о браслете, о его влиянии. И следопыт был единственным, кому я рассказал о струнах, о серебристой сети, о том, как мне удастся предвосхитить чужие поступки. Однако я не торопился открываться перед ним полностью. Что-то сдерживало меня.

Я вдруг понял, что боюсь Тенуина. Готов доверить ему жизнь, всегда жду от него подсказки и все же боюсь. Тут, конечно, сказала история следопыта – то, что Громбакх успел рассказать мне в Лаэрнорском лесу. Охотник, раненный бихчахом и понимавший, что нам придется ночевать в чащобе, наверняка сказал куда больше, чем мог бы себе позволить. Предчувствие смерти развязывает язык.

– Значит, один из людей Горсинга и один из красных погибли, – заключил следопыт.

– Их поглотил Пожиратель.

– Ты в этом уверен?

– Да.

– Когда это случилось?

Я приоткрыл рот и понял, что ответить на этот вопрос не могу, потому что этого в действительности еще не произошло. Вторая ошибка за один короткий разговор – слишком много даже для меня.

– Они умрут ближе к вечеру.

Услышав мой ответ, Тенуин остановился. Помедлив мгновение, вновь пошел вперед. Я едва сдержал улыбку – никогда прежде не видел, чтобы следопыт так реагировал.

– В Дикой яме?

– Да.

– Значит, Тарх сказал правду, и мы можем спокойно осмотреть их лагерь?

– Да... Скорее всего. Я не уверен, что все будет именно так.

– Но записку ты нашел.

Тенуин обо всем догадался. Я поторопился сменить тему. К тому же мне при всем желании не удалось бы объяснить следопыту, как я обо всем этом узнал. «Увидел во сне» – прозвучало бы глупой отговоркой.

Тенуин, конечно, понимал, что тут дело в браслете, и этого было достаточно.

– Можно еще вернуться к Тарху, – сказал я.

– Ты все сделал правильно. Мы ничего не потеряем. Так даже лучше. Если б не записка, Горсинг мог бы обо всем рассказать красным. Началась бы облава. Гийюд бы так этого не оставил.

– Ты знаешь Гийюда?

– Слышал о нем... Теперь же Горсинг не поднимет шум. Будет ждать сигнала.

– Убитый Тарх его не смутит?

– Смутит, но у него не будет выбора. Рассказывать Гийюду об Эрзе он все равно не станет.

В конце концов решит, что там, на крыше, произошло недоразумение – кто-то из людей Эрзы мог не признать Тарха, напал на него по ошибке, а когда понял, что к чему, оставил записку.

– Не самое логичное объяснение.

– Да, но Горсингу придется довольствоваться именно таким.

– Что будем делать с Феонилом?

– Ничего. – Тенуин заметил, что к нам подходит Миалинта, поэтому договорил коротко и быстро: – Не позволим ему подать сигнал. Придержим. Может, пригодится. Записка убережет от облавы, и то хорошо.

Не один я с опаской следил за изменением собственного тела. Миалинта была порождением лигура – фаитом и до сих пор не могла даже представить, какой будет ее жизнь, как ее тело и сознание отзовутся на все эти испытания. Пока единственной заметной странностью, не считая привычных странностей фаита, было то, что радужки ее глаз меняли цвет в зависимости от настроения. С каждым днем эта взаимосвязь становилась все более очевидной. Сейчас зрачки Миалинты были темно-зеленые, и я уже узнал, что это означает сосредоточенность и любопытство.

– О чем разговор? Что-нибудь случилось?

Ничего вразумительного я на ходу не придумал и отчасти сказал ей правду:

– Да вот думаем, как красные отреагируют, когда найдут Тарха.

Миалинта с готовностью присоединилась к такому обсуждению, предположив, что магульдинцы устроят облаву, если только у них вообще остались силы после всех стычек с зордалином.

Вскоре мы добрались до лагеря красных и Горсинга. Изначально я думал, что они выбрали дом Нитоса лишь из-за того, что там жил книжник, – надеялись найти какие-нибудь записи или указания на то, что именно хранилось в его комнате. Теперь же я понял, что эта причина явно была не единственной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.